

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ 7 р. 50 к.

на 9 мѣс. 5 р. 75 к.

на 6 мѣс. 4 р. —

Отдѣл. номера по 20 к.

Съ доставкой и пересылкой

на годъ 8 р. —

на 9 мѣс. 6 р. —

на 6 мѣс. 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ 14 руб.

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статья в требованіи адресована въ ред. свѣд. явится, г. № 10, кв. 5.

ПОДПИСКА

принимается въ Которѣ—СПб., Ивановская, д. № 13, кв. 18.,

а также въ книж. маг. Валяе, Нев., Гостин. дв. № 15.

Въ Томскѣ—въ книжномъ магазинѣ Макушѣ.

Въ Иркутскѣ—въ Котора Редакціи газеты «Свѣтъ».

Въ Омскѣ—въ книжн. магазинѣ Александрова.

Въ Ташкентѣ—въ книжн. агентствѣ Шавердова.

СОДЕРЖАНІЕ: Внутренній восточный вопросъ. С.—Сущность сибирскихъ ресурсов. —Вѣсти съ Востока. —Научная хроника. —Хроника. —Корреспонденція. —Почтовая дорога въ Сибирь (письмо въ редакцію) С. Голдессеянъ. —Природа и климатъ въ дѣлѣ колонизаціи Д. И. Заваличина. —Зуральскія подпашники (сельכותи). —Хроника жизни да неждано. —Библіографія. —Барышня и вѣстия. —Объявленія.

ВНУТРЕННИЙ ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ.

Кромѣ внѣшняго, есть у насъ и внутренній восточный вопросъ, и также далеко не второстепенный по внутренней нашей политикѣ, какъ тотъ во внѣшней: это—вопросъ азиатской Россіи.

Европейская Россія давно уже, если не изучена, то хотя изучается; азиатская же только что начинаетъ обращать на себя вниманіе: она вся еще и во всякомъ смыслѣ загадка. Первая опредѣлилась уже, по крайней мѣрѣ, географически; вторая же до сихъ поръ не нашла своихъ границъ, и все продолжаетъ расти не по дымъ, а по часамъ, роцетъ на нашихъ глазахъ, какъ сказочный богатырь, и гдѣ предѣлъ этому росту, — одинъ Богъ о томъ знаетъ. Одна изъ двухъ Россій знаетъ себя и этнически: какъ бы не много было инородцевъ и здѣсь, но есть племя, превышающее ихъ всѣ, взятыя вмѣстѣ, и гений этого племени болѣе или менѣе извѣстенъ, потому что это племя русское. Въ другой же Россіи одна только Сибирь представляетъ это преобладаніе и эту извѣстность; что же касается такихъ угловъ какъ Туркестанъ, Геокъ-Теле, Кавказъ, то тамъ преобладаетъ только власть русская, а не племя, и извѣстенъ характеръ только этой власти, а не этихъ племенъ. И что скажутъ они собою, когда заговорить, да и заговорить-ли когда нибудь,—это слова тайна. Историческія Европейская Россія прожила уже тысячу лѣтъ, и за это время кое-что и создала, какъ въ мысли, такъ и на дѣлѣ; азиатская же не древнѣе трехсотъ лѣтъ, по большей части даже моложе, но зайнять себя еще ничѣмъ не успѣла. Словомъ, передъ нами стоить сфинксъ, рѣчь котораго еще вся впереди. Между тѣмъ обѣ эти Россіи должны жить совместно, одною общою жизнью, такъ что безъ взаимодѣйствія другъ на друга имъ не обойтись.

Въ виду этой взаимозависимости, становится интереснымъ вопросъ: нѣтъ ли въ этомъ сфинксѣ уже и теперь чего нибудь такого, что могло бы подать хотя какіе нибудь намеки

на взаимныя роли двухъ Россій? На этотъ вопросъ найдется, быть можетъ, одинъ только достоверный отвѣтъ. Въ отношеніяхъ обихихъ Россій несомнѣно, повидному, только одно: это такое же отношеніе азиатской Россіи къ европейской, въ какомъ стоить сама европейская въ Европѣ. Европа высылаетъ своихъ колонистовъ, свои излишки населенія въ намѣ, а мы высылать ихъ въ свою очередь въ Азію. Европа намъ сообщаетъ свои ремесла, свои промышленности, свои художества; въ азиатскую же Россію отпущаемъ ихъ мы сами. Къ намъ идутъ идеи, знанія, учрежденія, изобрѣтенія изъ Европы; въ азиатскую Россію идутъ всѣ они отъ насъ. Короче, европейская Россія точно такой же учитель, пропагандистъ, цивилизаторъ для азиатской, какъ Европа для нея самой. Вотъ то существенное пока отношеніе, которое можетъ составлять собою точную данную для всякаго отравленія отъ нея. Она становится и еще точнѣе, если подумаемъ, что и въ будущемъ такія роли обихихъ половинъ Россій надолго еще измѣниться не могутъ. Еслибъ мы забрались еще глубже въ средину Азіи, то и тамъ мы не встрѣдимъ ничего кромѣ населеній, гораздо низшихъ насъ по культурѣ, которыя, слѣдовательно, опять потребуютъ отъ насъ новыхъ цивилизаторскихъ усилій и затратъ.

Но, при такомъ способѣ разгадки нашего сфинкса, спрашивается: можно-ли принимать въ свою среду низшія себя населенія безъ ущерба для себя самихъ? Такой вопросъ стоить самого отвѣта. Какъ присоединеніе населенія съ высшей культурой не можетъ не поднимать общаго ея итога въ странѣ, такъ и наоборотъ, воссоединеніе съ низшими культурами не можетъ не понижать этотъ итогъ. Обладаніе Финляндіей, Остзейскимъ краемъ, Польшею можетъ, конечно, лишь возвышать общій уровень нашей среды, тогда какъ завладѣніе Камчаткою, Сахалиномъ, Кульджею, и т. д., способоно, безъ сомнѣнія, только понижать этотъ уровень; такъ что еслибъ мы завосвали еще Тибетъ и Китай, то тѣмъ самымъ мы въ такой же пропорціи уронили бы и общій итогъ собственной нашей культуры. Никакой миссіонеръ не осуществляетъ своей миссіи безнаказанно для себя самого: про-

ведши многіе годы между дикарями, онъ, конечно, болѣе или менѣе просвѣтляетъ ихъ; но за то потемняетъ себя самого, и возвращается домой наполовину одичалымъ. Англичане, вступающіе на службу индійскаго правительства, весьма много, конечно, способствуютъ культивированію индійскихъ племенъ; но сами, возвращаясь оттуда назадъ, возвращаются такими, что ихъ точчасъ же узнаютъ: англичанинъ индійскій становится совсѣмъ другимъ типомъ, чѣмъ островной. Длительное время двѣхъ культуръ одна о другую оставляетъ слѣды на обихъ; и понятию, для которой изъ двухъ слѣды эти выгоднѣе. То же надо сказать и о нашихъ собственныхъ культуртрегерахъ въ Азіи. Уже для того, чтобы сдѣлать свое собственное дѣло, исполнить задачу свою, они волей-неволей должны какъ можно болѣе приспособиться къ средѣ своей, поддѣлываться подъ ея понятія и нравы, приворачиваться къ своимъ ученикамъ; а ничего этого нельзя сдѣлать безъ уступокъ изъ той стѣны культурности, кавадъ была привезена съ собою. Чтобы поднять до себя другаго, необходимо прежде нагнуться до него. Безпрерывный же приливъ и отливъ носителей культуры, безпрестанный ввозъ и отвозъ ихъ назадъ, съ одной стороны, опускаетъ внизъ все новыя и новыя массы, а съ другой, возвращаетъ опустынившіеся дома. Этотъ непрерывный обмѣвъ, крайне выгодный для азіатскаго міра, равно настолько же невагодеенъ для европейскаго.

Вотъ точка зрѣнія, съ которой смотримъ мы на наши завоеванія въ Азіи, на нашъ внутренний восточный вопросъ. Если эта точка зрѣнія, какъ бы она ни была правдоподобна, безсильна однакожъ надъ обстоятельствами, увлекающими нашу азіатскую политику все впередъ и впередъ, то она можетъ способствовать, по крайней мѣрѣ, сознанию необходимыхъ послѣдствій этой политики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сознанию тѣхъ средствъ, какими можно парализовать эти послѣдствія. Если азіатская Россія есть для насъ та бездна, которая вынуждаетъ постоянно одинъ только расходъ нашей цивилизации, то очевидно, что нѣтъ иной возможности поддержать культурный балансъ, какъ только равномернымъ, по крайности, возвышеніемъ статей прихода. Если Англія не страдаетъ пока отъ своего индійскаго пассива, то именно потому, что великъ еще ея островной активъ.

На этотъ активъ мы не разъ имѣли случай обращать вниманіе въ нашей газетѣ. Стремленіе къ нему составляетъ главную нашу гражданскую задачу.

Чтобы уравнивать потерю нашихъ культурныхъ и равсовыхъ чертъ на азіатскомъ Востоку, тѣмъ необходимѣе становится поднять гражданственности, просвѣщенія и способствованіе гражданскому росту передовой колоніи, такъ же какъ и устраненіе всѣхъ задержекъ и препятствій этому развитію. Если для остальной Россіи это составляетъ вопросъ внутренней политики, то по отношенію къ азіатской Россіи онъ является и вопросомъ внѣшней политики, то-есть вопросомъ государственнаго могущества.

С.

СУЩНОСТЬ СИБИРСКИХЪ РЕФОРМЪ.

Всякая реформа вѣрна постольку, поскольку она облегчаетъ жизнь обществу, предоставляетъ просторъ выраженію его жизненныхъ силъ и способствуетъ его органическому развитію. Что такое администрація, судъ, финансовая система, земство и проч., какъ не средства и органы для выраженія общественныхъ нуждъ и потребностей, или средства, гарантирующія жизнь и ростъ общественнаго организма? Кто-то изъ юристовъ-реформаторовъ давно выразилъ афоризмъ, что самая лучшая администрація та, которая, ограждая, не мѣшаетъ жизни и какъ можно меньше вмѣшивается въ частную жизнь.

Въ Сибири было наоборотъ, система опеки и вмѣшательства до того была развита въ краѣ, что дожила сама въ тяжеломъ гнѣтомъ на общественную жизнь. Начиная съ воеводъ до начала нынѣшняго столѣтія, Сибирь была страной воеводскаго самоуправства, насилій, наживы и «кормленія».

Отъ начала столѣтія до Пестелевщины и Трескинскихъ временъ она была страной злоупотребленій и своевластія. Далѣе она была страной бюрократической опеки и бюрократическаго произвола. Когда же и какими образомъ могла развиться эта молодая страна? Когда и какимъ образомъ нарождающееся общество могло развернуть свои силы?

Если у Россіи въ 60-хъ годахъ были моменты критики, самосознанія, были свѣтлыя минуты, переживаемыя обществомъ, то въ Сибири ихъ не было, ибо тяжелая рука приказной опеки постоянно лежала на ней. Между тѣмъ мы говоримъ о застояхъ этого края, объ общественной апатіи. Тѣ самые администраторы, которые жалуются на неважность, неразвитость мѣстнаго общества, на его апатію, употребляютъ всѣ усилія подавить его самостоятельныя силы сначала опекой и стремленіемъ вездѣ дѣйствовать собственной инициативой, а послѣдствіемъ борьбы противъ пробуждающихся общественныхъ силъ и самосознанія, которое выдѣляется весьма нѣредко за какую-то мѣстную оппозицію. Всѣмъ извѣстны тѣмъ не менѣе результаты сибирской опеки, эти чудовищныя и смѣшныя проекты и фантазіи въ родѣ знаменитаго проекта Гасфорда о созданіи промежуточной религіи для инородцевъ, наставленія по сельскому хозяйству Трескина и Лоскутова, проведеніе Чичеринымъ дорогъ, гдѣ люди гибли какъ мухи. А сколько было другихъ фантазій! Не сосчитать! Сколько одинъ Амуръ поглотилъ денегъ и жизни, и все-таки не населенъ, не обогатился, а ѣтъ хлѣбъ изъ Кропштадта, хотя уседительныя побѣды на него поглощаютъ до послѣдняго времени массу денегъ. Между тѣмъ лучшія мѣста Сибири, какъ ближайшій югъ Западной Сибири, оставались и остаются незаселенными, богатства расхищаются, пути не обезпечены, самыя настоятельныя нужды населенія неудовлетворены.

Создавая всевозможные проекты регламентаціи жизни, наставляя какъ строить колодцы, какъ пахать и какъ дѣлать крыши изъ глины и соломы, предписывая жителямъ садить овощи въ землю, а не въ небо, сибирскіе администраторы никогда не понимали только одного — духа жизни. Когда пробудилась мысль, самостоятельность и самосознаніе общества, они привли это за покушеніе на ихъ собственное право. Такъ при Трескинѣ еще началась борьба съ городскимъ началомъ и городскимъ сословіемъ точь-въ-точь какъ

въ Германіи съ бургами. Такъ продолжается и теперь. Городовое положеніе не могло поэтому осуществиться настоящимъ образомъ въ Сибіри. Городекіе головы избираются и подбираются по указанію администратора. Администраторъ созываетъ почетныхъ лицъ города лишь затѣмъ, чтобы выразить имъ, что онъ можетъ ихъ сослать въ Якутскъ и если не воспользовался этимъ правомъ, то только по своему пресудушію.

Когда были заведены въ Сибіри ученые отдѣлы географическаго общества, администраторъ сдѣлалъ ихъ своими канцеляріями и, наперекоръ уставамъ, назначилъ отъ себя заведывающаго наукою своимъ любимцамъ, подтасовывалъ выборы, угрожалъ карами и т. д. *).

Когда проснулася въ сибирскомъ обществѣ мысль и начала зародыться печать, на нее водвинуты были всевозможныя гоненія. Разъ частный органъ не летитъ и позволяетъ себѣ указать на мѣстные недостатки, которые признаются часто самими администраторами и расквашиваются въ ихъ отчетѣхъ бойче всякой печати, этотъ органъ обвиняется въ подрывѣ власти, или на него просто накладывается печать молчанія силою убійственной цензуры**). Словомъ, сибирская власть сама собственный критикъ, распорядитель и судья, обвинитель и исполнитель приговоровъ. Частное мнѣніе преслѣдуется, какъ и печать. Всякое лицо можетъ быть призвано къ отвѣту за то, что оно несогласно во мнѣніяхъ, и ему будетъ вѣчно это, какъ признакъ неуваженія. Человѣкъ образованный и свободно-мыслящій—запретный плодъ въ краѣ и въ послѣднее время въ просвѣщеннѣйшихъ центръ, въ Иркутскѣ, господствуетъ гоненіе на интеллигенцію. И вотъ мы видимъ по истинѣ странное явленіе—образованные люди бѣгутъ изъ Сибіри, бѣгутъ даже сибиряки.

При такихъ условіяхъ жизнь становится ужасной и невыносимой! Възсѣдовательно картина, которую представляетъ Сибірь. Понятно, что всякое уменьшеніе власти и уполномочій, данныхъ ей, является благодѣяніемъ. Сибирское общество прежде всего желаетъ облегченія жизни и нѣкоторой свободы, и права существовать частной индивидуальностью. Ограниченіе старой опеки и своеволія становится его завѣтнымъ желаніемъ.

Намъ кажется, что развитіе этой общественной жизни и предоставленіе ей извѣстнаго простора должно явиться сущностью реформы въ интересахъ самого государства и правительства, если мы желаемъ, чтобы наша окраина не совершено замерла.

ВѢСТИ СЪ ВОСТОКА.

Въ прошломъ № «Восточнаго Обозрѣнія» въ статьѣ А. М. Позднѣева говорилось о неожиданной смерти восточной императрицы Китая и объ указахъ и обрядахъ, сопровождающихъ это явленіе. Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ «North-China Herald» находимъ

*) Нѣсколько лѣтъ прутскій предсѣдатель Географическаго общества не можетъ быть выбранъ членами и всегда назначается по приказанію генералъ-губернатора.

***) Одинъ администраторъ запрещалъ печатать объ игрѣ актрисы симпатичной ему, другой не терпѣлъ слова «разводъ», а третій зачеркивалъ слово «своеволіе» и т. д.

статью, посвященную послѣдствіямъ этой кончины, которую и приводимъ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

«Повидимому, положеніе духа знатныхъ лицъ, изъ которыхъ одна умерла, а другая опасно больна, можетъ оказать весьма важное политическое вліяніе на Китай. Кончина императрицы или королевы не разъ вела за собой важныя послѣдствія у западныхъ націй. Однако, мы смѣемъ думать, что нѣтъ случая въ исторіи, когда бы душа государя могла препятствовать планамъ государственныхъ людей, измѣняя, хотя временно, внутреннюю политику націй, и грозить перевернуть нѣкоторыхъ изъ самыхъ могущественныхъ лицъ, годами занимающихъ высшія должности и, повидимому, упрочившихъ свою власть. Въ послѣднее время признаки просвѣщенія въ Китаѣ проглядывали во всемъ. Введеніе телеграфовъ, кепинскія каменноугольныя копи, разработка желѣзныхъ и мѣдныхъ копей, проекты желѣзныхъ дорогъ, утвержденныя благосклонностью пекинскихъ властей и находящіяе восторженную поддержку и деньгами, и всѣмъ, тѣмъ возможно, со стороны населенія отъ Кантона на югъ до Ньючуана на сѣверѣ, не говори о многомъ другомъ, представляющемъ очевидныя успѣхи западныхъ нововведеній, которая изобрѣтательные иностранцы сѣмилѣтне доставить и выполнить для омолодѣшаго Китая. При этомъ со всѣмъ не была принята въ расчетъ одна изъ среднихъ лѣтъ, восточная императрица, умершая 9-го апрѣля прошлаго года и, какъ всѣ надѣялись, покойно и окончательно похороненная 31-го октября 1881 года. Она—точноже сказать душа ея—перевернула все, и привела въ весьма грустное положеніе хорошо составленные планы государственныхъ людей и просвѣщенныя надежды вѣшняго міра на движеніе впередъ этой древней и изъѣденной молью страны по вновь предначертанному пути. Мѣсто погребенія отстоятъ на шестьдесятъ миль отъ кепинскихъ копей, разстояніе, казалося бы, достаточное для того, чтобы изгнать душу отъ самыхъ злыхъ выходовъ вѣбнѣннаго Фень-шуи (подземнаго духа). Но иностранцы не знаютъ его силы. Нѣкоторые изъ нихъ думали, что тѣ дѣйствія и наказанія, которымъ онъ подвергалъ сомнѣвавшихся въ его силѣ, могутъ быть объяснены естественными причинами, непонятными только невѣжественнымъ или суевѣрнымъ умамъ. Но теперь сердитый кепинскій Фень-шуи уничтожилъ разстояніе и вѣрталю время, и сдѣлалъ невозможнымъ для покойной (если можно назвать ее такъ, несмотря на недавнюю ея дѣятельность) императрицы Тзе-Ань терпѣть долѣе дѣйствія оставшихся послѣ нея людей. Кепингъ долженъ быть закрытъ, оставленъ и возможно скорѣе забытъ. Тогда душа ея величества будетъ спокойна, а пока, въ видѣ предостереженія и напоминанія ей воли, она наложила сильнѣйшую корь на обитателей дворца.

«Въ случаѣ смерти другой престарѣлой леди, которая пока еще жива, обязательное удаленіе отъ общественной жизни ея замѣтательнаго сына, вице-короля Чайланъ, поставить дворцовыхъ интригантовъ въ возможность провести ихъ главныя задачи, только часть которыхъ составляетъ закрытіе кепинскихъ копей. Если даже вице-король Ли-Хунгъ-Чангъ будетъ принужденъ удалиться только на сто дней, самый короткій срокъ траура, и то враги его могутъ сдѣлать много противъ него и его политики. Высокое уваженіе, которымъ онъ пользуется отъ своихъ соотечественниковъ, дѣлаетъ его предметомъ придворной зависти, между тѣмъ, какъ старая китайская партія, которая во что бы то ни стало желала бы сохранить всѣ старые порядки, ненавидитъ его и всѣ его дѣла. Не составляетъ тайны, что принцъ Чуанъ и его сторонники готовы на все, чтобы принести ему вредъ, а можетъ быть и уничтожить его. Его политика преобладала во время послѣдней распри съ Рос-

себя, но съ тѣхъ поръ противная партія дѣятельно укрѣплялась и возбуждала вражду противъ него, и въ последнее время это ей действительно удавалось. Ему, какъ передаютъ, выражено императорское неудовольствие и объ этомъ сообщено даже иностранцамъ, посланъ въ Пекинъ; причиною этого было то, что онъ вызвалъ раздраженіе двора, превзойдя свои полномочія и дѣйствуя самостоятельно. Въ видѣ поддержки этой интриги противъ вице-короля, была пущена въ ходъ записка одного лица относительно необходимости немедленно закрыть кепингскія копи, по случаю тревожнаго состоянія души покойной восточной императрицы. Можетъ быть и не удастся этимъ положить конецъ планамъ усовершенствованія родины, которые Ли выполнялъ или хотя замыслилъ, но во всякомъ случаѣ они будутъ замедлены. Подобныя недостойныя интриги весьма обыкновенны въ китайской исторіи и вообще во всѣхъ восточныхъ странахъ,—они представляютъ какъ-бы старое оружіе деспотичнаго правленія. Какъ только гражданскіе приобретаютъ власть, вслѣдствіе превосходства характера или поступковъ, такъ отыскиваются обыкновенно средства для его паденія. Что касается до манчуйской династіи, принцы, стоящіе теперь около трона, воображаютъ себѣ, что вся ихъ выгода состоитъ въ порожденіи вражды между двумя наиболѣе вліятельными людьми въ имперіи, изъ которыхъ оба китайцы. Ли самый могущественный и обладаетъ болыпимъ знаніемъ духъ своей страны и политики, какой надлежитъ держаться относительно иностранныхъ державъ. Цзо-Цзунъ-танъ привыкъ къ лагерной жизни, и провезъ многие годы въ отдаленномъ сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ онъ не могъ знать много, происходящее въ другихъ частяхъ свѣта. Онъ грубый, честный солдатъ, которому надо научиться еще тому, что необходимо знать китайскому государственному человеку для того, чтобы принять участіе въ политикѣ страны. Очень возможно, что онъ презираетъ то, что люди, подобные Ли, считаютъ совершенно необходимымъ для китайской имперіи для того, что она могла занять должное мѣсто между націями. Такой человекъ скоро можетъ сдѣлаться легкимъ оружіемъ въ рукахъ безсовѣстныхъ дворовыхъ интригантовъ, между тѣмъ, несомнѣнно, это самый страшный изъ враговъ Ли-Хунъ-Чанъ, завербованныхъ имъ».

Несмотря на силу консервативной старо-китайской партіи, жизнь и ея потребности берутъ свое. Изъ послѣдующихъ извѣстій видно, что интрига по поводу кепингскихъ копей вполнѣ не удалась, а кепинскія газеты даже совсемъ отрицаютъ самое существованіе записки о закрытіи ея. Для насъ интересны результаты этой борьбы и лока, насколько можно судить по газетамъ, Ли-Хунъ-Чанъ не падаетъ духомъ, продолжаетъ успѣшно свою дѣятельность, чему способствуетъ поправленіе здоровья его матери и удаленіе Цзо-Цзунъ-Танъ въ Нанкинъ. Кстати, скажемъ нѣсколько словъ о значеніи кепингскихъ копей, со словъ газеты «Shên Pao»: «кепингскія каменюгольняныя копи должны доставлять уголь разумѣется для всѣхъ китайскихъ пароходовъ, которымъ иначе пришлось бы употреблять привозной уголь и платить за него страшную цѣну. Когда будутъ введены желѣзныя дороги, количество угля потребуется разумѣется гораздо большее, но если принятыя за разработку всѣхъ копей, то Китай былъ бы въ состояніи заняться даже вывозомъ угля вмѣсто прежняго ввоза, что повело бы за собой увеличеніе ввоза другихъ предметовъ изъ Европы и послужило бы въ выгоду обѣимъ сторонамъ».

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

10-го февраля нынѣшняго года, въ Императорскомъ географическомъ обществѣ, знаменитый путешественникъ Н. М. Пржевальскій, дѣлая докладъ о своемъ путешествіи, нѣсколько разъ высказывалъ взглядъ свой на ипородическія кочевья цемана въ смыслѣ ихъ вѣчной кочности и культурной неподвижности, и отсюда можно было заключить, что эти племена никогда и не будутъ способны къ человѣческому развитію.

Положеніе народовъ, пребывающихъ на степени младенчества, къ которымъ у насъ не находится часто ничего, кромѣ антипатіи и презрѣнія, положеніе этихъ племенъ, чувствующихъ также потребность къ жизни и счастью и великихъ правъ на человѣческое существованіе, возбуждаетъ въ другихъ, однако, болѣе серьезныя мысли.

Недавно, другой знатокъ Монголіи, г. Потанинъ, въ одномъ письмѣ, высказалъ совершенно иной взглядъ на этотъ предметъ. Отдавая должную дань уваженію г. Пржевальскаго, г. Потанинъ обращаетъ вниманіе на слѣдующія мнѣнія его по поводу размысленій о будущности монгольскаго народа и его культуры.

«Долго еще, очень долго монгольскія степи будутъ обиталищемъ однихъ кочевниковъ; можетъ быть сношенія съ сосѣдями и что-нибудь въ родѣ желѣзной дороги, проведенной въ Монголію, измѣнятъ ей быть отчасти, но вѣкторія мѣстности Монголіи навсегда обречены остаться степями, предназначенными исключительно для кочевниковъ. Таковъ былъ смыслъ рѣчи нашего путешественника. Эта рѣчь есть, конечно, отвѣтъ на нѣволью возникающій въ головахъ путешественника по Монголію вопросъ: навсегда ли населеніе этой страны останется въ состояніи той полубразованности, въ какой теперь находится, или его положеніе измѣнится въ лучшемъ? Если действительно назъ знаменитый путешественникъ имѣлъ въ виду этотъ вопросъ, то онъ отвѣтилъ на него слишкомъ торопливо, не задумавшись назъ нимъ какъ слѣдуетъ; говоримъ такъ потому, что, по нашему мнѣнію, сказать страна исключительно обречена быть обиталищемъ кочевниковъ, еще не значить рѣшить вопросъ о вѣчной кочности ея жителей. Видъ вопросъ о той степени, въ которой въ будущемъ европейскія цивилизаціи можетъ быть примѣрена съ кочевымъ бытомъ, никакъ тщательно разсмотрѣвъ не быть, даже не быть поднятъ».

Конечно, мы не имѣемъ основанія настаивать, что г-нъ Пржевальскій понималъ вопросъ въ той формѣ, какъ мы это выше представили; можетъ быть, онъ хотѣлъ ограничить только заявленіемъ о томъ—чего можно ждать отъ Монголіи на пути развитія осядлости, не болѣе, хотя и сильно подозрѣваемъ, что онъ имѣлъ въ виду нашу формулу, потому что только въ связи съ вопросомъ о приложимости европейской цивилизаціи къ монгольскимъ особенностямъ жизни становится интересенъ и вопросъ объ осядлости, въ противномъ же случаѣ этотъ послѣдній является шитокомъ. Будемъ говорить объ этомъ предметѣ, принявъ слова, брошенныя путешественникомъ мимоходомъ, только за косвенный поводъ къ разсужденію. Что касается разбирательства, до которыхъ можетъ дойти осядлость въ Монголію, тутъ едва ли можно сказать что-нибудь противъ мнѣнія, что область, гдѣ природа допускаетъ осядлость, въ Монголіи не велика и что вѣкторія ея части осуждены навсегда быть обиталищемъ только номадовъ, а другая даже навсегда осудится пустыней. Тѣмъ не менѣе, насколько разбирательство могутъ возрости въ будущемъ, судить теперь невозможно за неизвѣстіемъ данныхъ, отъ которыхъ можно было бы отразиваться въ своихъ соображеніяхъ. Мы не имѣемъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о пунктахъ осядлости въ Монголію; у насъ существуютъ только общія понятія о районахъ, гдѣ она существуетъ и гдѣ ея вовсе нѣтъ.

Наиболѣе способны къ осядлости мѣста лежатъ въ сѣверной Монголіи. Здѣсь мы встрѣчаемъ нѣсколько китайскихъ торговыхъ городковъ (Чугучакъ, Вудунъ-тохой, Кобдо, Улусъ-

сугаи и Хайларь) и множество осёдлых монастырей; далеко не зная полного числа их, мы все-таки могли бы привести до четырнадцати имен, которые мы слышали. Некоторые из них мы видели; они имѣют видъ небольших селеній, болѣе или менѣе украшенных большими и вычурными постройками кумиренъ; монастырь гутухты, какъ известно, разросся въ многолюдный городъ, имѣющий до 30 тысячъ жителей. Путешественникъ съ сѣверной Монголіи не можетъ не замѣтить, что эти монастырскія селенія съ каждымъ годомъ разрастаются: въ каждомъ можно замѣтить одно или два вновь строющіеся зданія; и улангомія вань и засасутханъ заняты постройкой и расширеніемъ своихъ монастырей. Пашни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ округѣ улангомскаго монастыря, расширяются; китайская торговля при монастыряхъ также растетъ; число китайскихъ купцовъ, прѣзжающихъ по монастырямъ, увеличивается.

Центральная Монголія лишена этихъ удобствъ; здѣсь много безлюдныхъ пустынь, только изрѣдка перебиваемыхъ кочевскими караванами; встрѣчающіеся разбѣнными участками пастбища не отличаются обиліемъ кормовъ. Въ эту осѣдную страну длинными языками врѣзываются два хребта: съ востока Муи-Ола, съ запада Тянь-Шань; оба они представляютъ прекрасныя условія для осѣдности и дѣйствительно подошвы ихъ усѣяны деревьями и городами. На крайнемъ югѣ тѣмъ же условіямъ отличается проходящій съ в. на з. хребтъ Нань-шань. На югѣ около Нань-Шаня, а также около Муи-ола и Тянь-шаня мѣста захвачены китайцами и китайская колонизация здѣсь все болѣе и болѣе усиливается; следовательно говорить о будущихъ општахъ и усѣбахъ осѣдности монголовъ можно только по отношенію къ сѣверной Монголіи. Современные размѣры района монгольской осѣдности могутъ быть, конечно, еще увеличены искусственно; г. Пржевальскій самъ указалъ на артезианскіе колодези; также и районъ хѣтбашаства можетъ быть расширенъ введеніемъ породъ зерновыхъ хлѣбовъ, которые могутъ родиться въ болѣе холодныхъ горизонтахъ, чѣмъ тѣ, гдѣ теперь засѣваются хлѣба монголами.

До сей поры мы говорили только объ осѣдности; много ей предстоитъ еще впереди простора, но за всѣмъ тѣмъ въ природѣ страны лежатъ ей предѣлы, дальше котораго она не пойдетъ.

Другое положеніе вопроса о степени совмѣстности европейской цивилизаци и съ монгольскимъ кочевымъ образомъ жизни. Достигнутые до настоящаго времени монголами результаты культурныхъ стремленій, при ихъ современномъ въ отношеніи науки жалкомъ или вполнѣ отрицательномъ состояніи, показываютъ, что цивилизация можетъ совмѣститься съ кочевымъ образомъ жизни до извѣстной степени, которую теперь опредѣлить конечно трудно. Мы говоримъ о цивилизаци, а не о культурѣ, объ усовершенствованіи внутренней жизни людей, а не ихъ внѣшней обстановки.

Для внѣшней обстановки цивилизаци нужны школы, лаборатории, обсерваторіи, бібліотеки. Кочующія школы и караваны съ бібліотеками можно уже и теперь видѣть въ Монголіи; съ увеличеніемъ средствъ монгольскаго народа размѣры школъ и бібліотекъ могутъ увеличиться. Пусть университетъ на кочевомъ положеніи будетъ химера, но школы въ родѣ нашихъ гимназій, кочующія каждое лѣто, легко себѣ представятъ. Чѣмъ гимназія со своимъ шаркырѣ можетъ представляться болѣе громаднѣю какого-нибудь улангомскаго монастыря? А мы сами видели, какъ онъ перекопывалъ съ своей землѣю на отстоящую отъ нея въ 60 вѣн 70 верстахъ хѣтовку съ бібліотекѣю, собраніемъ боговъ и съ ученицами дѣвками и какъ потомъ на альпійскихъ поляхъ Цусеулава раскинулся станъ изъ войлочныхъ юртъ, въ которыхъ помѣщается до 300 монаховъ.

Конечно, нѣкоторыя учрежденія, какъ напримѣръ лабораторіи и обсерваторіи, а также и большія бібліотеки и большія школы, громадныя для передвиженія или и совсѣмъ неудобны для этого, но эти учрежденія устрояются обыкновенно не въ болѣемъ числѣ, а потому они могутъ явиться

осѣдными въ видѣ исключенія. И монастыри въ сѣверной Монголіи кочуютъ не въ полномъ составѣ; громаднѣе истуканы остаются на зимовкахъ.

Монголія и теперь представляется по отношенію къ образу жизни людей смѣшанный характеръ; большинство народа кочуетъ, культурный классъ, т.-е. ламы, во многихъ случаяхъ живутъ осѣдо. Въ будущемъ этотъ смѣшанный характеръ можетъ сохраниться, только кромѣ монастырей, которые представляютъ теперь мелкіе умственные центры, занимающіеся изученіемъ тибетской и санскритской литературы, здѣсь возникнутъ другіе осѣдые или полуосѣдые центры для изученія европейской науки.

Комфортабельную обстановку нашихъ училищъ, бібліотекъ, театровъ и т. п. мѣсть для собранія, имѣющихъ цѣлю нравственную культуру человека, невозможно будетъ всецѣло перенести въ монгольскую степь, но можетъ быть уступки, которыя придется сдѣлать стѣннымъ требованіямъ, имѣютъ свою хорошую сторону. И гигиенности, и педагога разомъ поднимаютъ вопросъ о радикальномъ переустройствѣ этихъ внѣшнихъ органовъ цивилизаци. Наши театры оказываются разсадниками бѣгнѣйшей школы съ одной стороны калѣчатъ дѣтей физически, съ другой создаютъ тупицъ, набитыхъ умственнымъ хламомъ. Формы быта, созданныя осѣдностью, также имѣютъ свои крайности.

Земельные всегда остаются въ Монголіи въ ограниченнѣхъ размѣрахъ, но есть ли оно единственная форма народнаго богатства, при которой только и возможна передача европейской цивилизаци? Туркестанъ представляетъ намъ примѣръ страны, гдѣ рядомъ съ древнѣйшей въ мірѣ культурой навсегда остались кочевники, брожденіе между населенными пунктами. Кочевники-скотоводы могутъ быть такою же орудіемъ общества, какими же хорошими гражданами большаго государства, какъ и земледѣльцы; пусть только для нихъ будутъ созданы хорошія условія общественнаго быта и создана для нихъ возможность сознать свою солидарность съ умственными интересами разбѣнныхъ среди ихъ кочевьевъ умственныхъ центровъ или пунктовъ осѣдности. Наше (современнаго, недостаточнаго) знакомство съ монголами побуждаетъ насъ редактировать отвѣтъ на поставленный выше вопросъ такимъ образомъ: не надолого еще, а навсегда, монголы обречены на исключительно кочевой бытъ, но не навсегда они лишены возможности усвоить европейскую науку. Скоро ли начнется этотъ переходъ монголовъ къ новой умственной жизни, сказать нельзя; но они не могутъ оставаться при старыхъ формахъ ея; этому препятствуетъ ихъ международное положеніе. Раздѣленія два большіхъ культурныхъ государства, Китай и Россія, Монголія не можетъ оставаться въ прежнемъ видѣ; она должна будетъ пережить не одна, не двѣ, а многія торговныя дороги; а съ этимъ вмѣстѣ она должна будетъ втянуться и въ міръ европейскіхъ идей. Если жѣзвыныя дороги и телеграфы проникаютъ въ сѣверную Норвегію и Лапландію, то тѣмъ болѣе нужно ожидать, что эти органы человѣческихъ сношеній явятся въ странѣ, лежащей въ серединѣ между двумя богатыми мірами: западомъ и востокомъ.

Г. Пржевальскій лучше насъ знаетъ Монголію; онъ побѣтилъ и западную, и восточную, и сѣверную, и южную Монголію, потому интересно было услышать отъ него отвѣтъ на ту болѣе опредѣленную формулу вопроса о будущихъ условіяхъ культурнаго развитія Монголіи, которая нами предложена въ началѣ статьи. («Сибирь», № 16).

Обращая вниманіе на настоящее писмо г. Потанина, мы должны присвокупить, что вопросъ о высшей культурѣ безъ потрашенія эконоимическихъ и социальныхъ основъ инородческой среды приложимъ не къ однимъ монголамъ, но и къ другимъ сибирскимъ инородцамъ. Онъ можетъ быть разрѣшенъ однако только въ тогу предубѣжденія, которое господствуетъ въ полувѣщественномъ обществѣ, но на наиболѣе безпристрастныхъ научныхъ началахъ и изученіи инородческаго быта. Прежде всего, никакой народъ въ исторіи члвччества не можетъ быть вѣчно въ застой. Каждое изъ инородческихъ племенъ представляетъ только опредѣленную стадію разви-

тия, переходную от предшествовавшего къ будущему. Человѣчество пережило рядъ стадій и оставшихся инородческія племена есть запоздавшие отряды от историческаго прошлаго, которымъ тѣмъ же мѣше суждена та же дорога. То, что кажется застоємъ, при ближайшемъ изученіи открываетъ только мѣръ жизни, движенія и разнообразія. Совершенство, а слѣдовательно и цивилизація, хотя и своеобразная, доступны одинаково всѣмъ расамъ. Все это истины, которыя не можетъ игнорировать историкъ культуры и этнографъ, хотя онѣ могутъ быть не всегда доступны орнитологу. Старая теорія о дикарѣяхъ, ихъ застоѣ, вымирании или несобности къ цивилизаціи, гускѣхъ предъ испытаніемъ жизни и причинъ явленій, истинная наука есть источникъ вѣры въ прогрессъ, человѣческое счастье и цивилизацію, одинаково доступную всѣмъ племенамъ и народамъ.

ХРОНИКА.

Административныя преобразованія и новыя назначенія въ Туркестанѣ и въ Степное генералъ-губернаторство вызываютъ различныя толки въ печати. «Страна» помѣстила передовую статью по поводу назначенія М. Г. Черняева, припоминая заслуги этого генерала при завоеваніи Туркестана и его весьма продолжительное «де у дѣл». Охотно отдавая дань военнымъ заслугамъ М. Г. Черняева, мы не понимаемъ, какія отношенія имѣетъ это прошлое къ характеру будущаго управленія. Управление Туркестаномъ нѣтъ получаетъ характеръ мирнаго гражданскаго управленія, здѣсь необходимъ хороший составъ администраціи, строгій контроль въ расходахъ суммъ и сокращеніе несмысленныхъ расходовъ, идущихъ на Туркестанъ; необходимо искорененіе злоупотребленій, огражденіе инородцевъ, какъ новыхъ подданныхъ и внушеніе имъ довѣрія. Словомъ, требуются черты и способности управленія чисто гражданскаго.

Сколько бы ни отыскивалось недостатковъ при прежнемъ управленіи, но надо отдать честь политикѣ покойнаго генералъ-губернатора Кауфмана, что онъ положилъ начало мирной политикѣ и часто удерживалъ безцѣльно-военные инстинкты, ради тщеславія, отличій и наградъ, къ которымъ стремились приближенныя къ Ташкенту дѣятели. На Ташкентѣ многіе смотрятъ, какъ на мѣсто подвиговъ, какъ на Новый-Кавказъ. Это давало не разъ поводъ интригамъ и инсинуаціямъ противъ покойнаго генерала Кауфмана. Не надо забывать, что въ новомъ краѣ началось уже водвореніе русской офидности, установленіе гражданскаго управленія, и задача эта нѣсколько поднижалась впередъ, хотя и дѣной дорожихъ издержекъ. Ташкентскіе инстинкты нѣкоторыхъ администраторовъ нашли себѣ однако исходъ въ наживѣ, доказательствомъ служатъ дѣло Савенкова и К^о, начавшихъ захватъ земель и рядъ спекуляцій, за которыя генераломъ Кауфманомъ были отданы подъ судъ и сосланы въ Восточную Сибирь. Разобрать все, что дѣлалось въ Туркестанѣ беззаконнаго, вотъ современная задача; это тоже война и для нея нужны таланты, но война особаго рода, война гражданская. Не о завоеваніяхъ слѣдуетъ мечтать, не о походахъ; къ чему поведутъ нашъ задоръ и столкновенія въ Индіи, какъ въ къ новымъ расходамъ и бѣдствіямъ. Военная страсти, необходимая въ одномъ случаѣ, могутъ обойтись весьма дорого въ другомъ. Нѣтъ, здравая политика требуетъ здѣсь культурныхъ завоеваній и установленія добрыхъ отношеній къ туземному населенію, въ чемъ и будетъ гарантія нашей силы и спокойствія. Продолженіе торговыхъ путей, спарженіе каравановъ и желѣзная дорога составятъ болѣе сильную угрозу, чѣмъ военные отряды и реквизиціи. Если газеты принятываютъ наступленіе этой новой политики, тогда другое дѣло. Конечно, М. Г. Черняеву можно пожелать отъ души вступленія на почву такой политики установленія права, очищенія края отъ провозвона и защиты мѣстнаго населенія отъ дурныхъ элементовъ, напрашивающихся туда для карьеры и спекуляцій.

При назначеніи М. Г. Черняева Туркестанскіимъ генералъ-губернаторомъ разнеслись слухи въ печати о томъ, что онъ принимаетъ на службу нѣкоторыхъ лицъ, причѣмъ заявлены были имена. Мы не помнимъ этихъ именъ, но выборъ людей конечно будетъ характеризовать взгляды новаго администратора и его требованія. Дѣл

Богъ избавитъ краю отъ тѣхъ элементовъ «ташкентства», которые развратили Ташкентъ и обезчестили русское управленіе.

— Алтайскіи злоупотребленія столичнаго газеты посвятивши нѣсколько статей: «Петербургскія Вѣдомости» отъ 28 мая, по поводу опубликованнаго письма Иншера говорятъ слѣдующее. «Порядки, дѣйствительно поразжающіе, хищничества небывалы! Татарскіи хищничества ничто въ сравненіи съ алтайскими хищниками горнаго вѣдомства. Взятки считаются не сотнями, не тысячами, а сотнями тысячъ. Чаевная предприимчивости, богатства страны, трудъ тысячи рабочихъ—все положено въ жертву нѣсколькимъ десяткамъ чиновниковъ-выточниковъ. Даже обличеніе иншера Иншера повело дѣло къ тому, что его отдали подъ судъ, вѣроятно, придраться къ какой-нибудь канцелярской формальности или къ случаю нарушенія чиновничьей дисциплины. Передъ судомъ уже были Мамаевъ, Бушъ. Ожидаются таможенныя вѣтви, а эти, по всей вѣроятности, уступятъ мѣсто на скамьяхъ подсудимыхъ дѣлой пледѣ алтайскіи горныхъ инженеровъ, позволившихъ до сего времени на накраденныя деньги такія утонченныя прихоти, какъ посылку товкаго бѣлья для стирки въ Парижъ и т. п.»

Намъ неизвѣстно, будутъ ли призваны новые Мамаевы и Бушъ къ суду, но извѣстно по слухамъ, что ревизія дѣл обнаружитъ полную бездѣтельность и небрежность управляющихъ дѣлами Кабинета. Вопросъ въ томъ, насколько эта небрежность къ хищенію была безпечна и вѣрна и а. Газеты и статьи не разъ указывали, что вся алтайская механика находилась въ рукахъ одного лица, генерала Соколова, управляющаго горными дѣлами и браваго все на свою отвѣтственность. Рассказываютъ, что вышло новое дѣло о продажѣ кабинетской мѣды въ Нижнемъ-Новгородѣ безъ всякаго контроля, но баснословно дешевой цѣнѣ. Также сообщаютъ, что за пріобрѣтеніемъ прісковъ въ Алтѣ одними компаниями данъ былъ кушъ. Эти слухи характеризуютъ, какое довѣріе питается къ заправившимъ алтайскіи дѣла.

Въ добавленіе къ разсказу о бѣлѣ присоединяется слѣдующій характерный разсказъ изъ прошлаго управленія. Съ однимъ отъѣзжающимъ изъ Барнаула былъ посланъ «куму» въ Петербургъ ящикъ китайскаго чая. Пріѣзжій, завинчивши, засталъ жену кума съ гостями и передалъ посылку. Обрадовавшись сибирскому чаю, хозяйка ринила тотчасъ же его попробовать. Раскупорили при свидѣтеляхъ, о удивленіи! Чай оказался цвѣточныи, ящикъ до-верху былъ наполненъ сторбульвыми бумажками. Эффектъ среди гостей получился неожиданныи!

Вотъ какой чай послали изъ Барнаула, и вотъ какой пивали въ Петербургѣ!

— Въ городѣ Томскѣ продолжаютъ пожары. Корреспонденція «Русскаго Курьера» жалуются на пожарную команду. Паровая машина, заведенная при городскомъ головѣ Тенковѣ и стоившая 20,000 р. не дѣйствуетъ. Такъ бываетъ всегда при дурныхъ полицейскомъ хозяйствѣ. Пожарная команда и опасенія поджоговъ охватили городъ. Жалуется на закрытіе ночлежнаго пріюта, хотя этотъ пріютъ не приноситъ никакой пользы и смысловъ и бродяги, вѣтхіяся въ городъ, никогда его не посѣщали. Другіе вспоминаютъ полиціеистра Гомбинскаго, переведеннаго изъ Томска. Эти наивные люди полагаютъ, что все дѣло въ полиціеистра и забываютъ Иринееское и друг. дѣла при томъ же прославленномъ полицейскомъ начальникѣ. Въ концѣ начинаютъ сочинять басни о поджогахъ. Это старая сибирская исторія, повторяющаяся изъ года въ годъ. Масса наклонна къ метафизическому мышленію и роискиваетъ причину въ образахъ и мѣнахъ, когда причины бѣдствія реальныя и сложныя. Городъ полонъ уголовныхъ преступниковъ и мауринокъ, водворяемыхъ безпрестанно, хозяйство города старое, полиція, весьма распорядительная въ Сибири по части «ташни и не пушай!» оказывается бессиленъ въ одномъ «не пушай!» огонъ, ташинтъ-ташайта, а толку не выходитъ. Конечно, бѣднѣимъ жителямъ остается вынужденъ причины пожаровъ и создавать подозрѣнія, всегда охотно поддерживаемыя. «Ташинтъ надо!» воинуютъ со всѣхъ сторонъ, а кого ташинтъ, неизвѣстно. Кончится тѣмъ, что благонамѣренный обыватель къ своему шумуменью самолично попадетъ въ кутузку. За что же? вопіетъ онъ.— Да вѣдъ ты самъ же кричалъ «ташин!» отвѣчаютъ, улыбаясь, ему.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

— *Изъ Кульджи.* (Корр. «В. Об.»). Движеніе по рѣкѣ Или и черезъ рѣку значительно нынѣ сократилось и народонаселеніе струпивалось ближе къ рѣкѣ и Бууджѣ, а также, выслѣдившись въ южный участокъ, занялось хлѣбопашествомъ на свободныхъ земляхъ въ усиленномъ размѣрѣ. Такъ, напримѣръ, въ южномъ участкѣ переселенцы не только заняли свободная отъ ушедшихъ уже земли, но вошли даже въ сношеніе съ сибирцами и арендовали землю у нихъ. Хлѣба засѣяно очень много, такъ что недостатка въ немъ не должно быть. Пока извѣстно, что осталось на мѣстахъ бѣтѣ половинъ и хотя страхъ прель китайцами очень великъ, слухи изъ Шихо о поведеніи войскъ Диня безотрады, но дасть Богъ, усилить на мѣстахъ, особенно если старшины и вліятельные туземцы будутъ также сидѣть здѣсь. Этихъ послѣднихъ наши власти постоянно уговариваютъ не поддаваться ложнымъ страхамъ; они съ этимъ совершенно соглашаются, но истинную бѣду для нихъ составляютъ ихъ жены, сестры и матери, которая, по ихъ словамъ, вводятъ и день и ночь, побуждая своихъ мужей, отцовъ и братьевъ къ выселенію. По рассказамъ этихъ послѣднихъ, многие изъ нихъ должны были отправить своихъ бабъ за будущую нашу границу только потому, что онѣ, то-есть бабы, хотѣли лишиться себя жизни на глазахъ мужчинъ. Еслибы послѣдніе не отправили ихъ точно такъ. Приведу образчикъ слуховъ и свѣдѣній, получаемыхъ туземцами изъ Шихо въ письмахъ, причѣмъ слухи эти, конечно, съ быстротою молніи облетаютъ населеніе: войска, выступившія съ цвань-цзюнемъ-Динемъ, не получили никакого содержанія за два мѣсяца, почему перель выступленіемъ разграбили купцовъ, земледѣльцевъ и горожанъ. Хлѣба взято мало. Для подѣла войскъ отоборали лошадей и шпакоевъ у купцовъ, наицхъ и своихъ. Деньгъ у китайцевъ нѣтъ, почему Динь занялъ таковою также у купцовъ; послѣднихъ въ Илійскую долину не пускаютъ, говоря: рано еще, ничего не устроено. Вместе съ войсками плутъ землепашцы съ семьями. Затѣмъ письма обыкновенно кончатся взываніемъ къ Аллаху и совѣтуется въ Кульджѣ не оставаться, а уходить какъ можно скорѣе. Въ самыхъ умѣренныхъ сообщеніяхъ и тамъ раздаются вопли по поводу нашествія китайцевъ и совѣты выслѣстись.

Войска наши изъ Суйдуня выведены и городъ переданъ въ китайское управленіе. Сейчас же начались кражи у купцовъ, имѣющихъ тамъ лавки. Дабы обезопасить почтовые станціи въ Суйдунѣ, Чичаходзи и Алимту, комиссаръ распорядился поставить на каждой станціи по три казака, которые, въ случаѣ надобности, будутъ конвоировать почты.

— *Изъ Оренбурга* (корресп. «Вост. Обозр.»). Въ то время, когда башкиры имѣли военную организацию и именовались башкирскимъ войскомъ, что продолжалось до 1860 года, они исполняли самую тяжелую работу. Встрѣчалась ли надобность построить въ безводной степи укрѣпленіе, или устроить какой нибудь невозможный коммерческій трактъ среди каменистыхъ утесовъ Уральскихъ горъ, тотчасъ наряжалась въ знойное лѣто команда изъ башкиръ на коняхъ, запреженныхъ въ арбы и несчастные труженники возили камни, глину, песокъ, воду заромъ, по наряду, и получали самую скудную порцію муки и соли, а мясо ѣли только, когда приходили домой «кочкака лежать».

Одинъ изъ лучшихъ общественныхъ садовъ, существующій въ Оренбургѣ подъ наименованіемъ Караванъ-сарайскаго сада, разведенъ кровавыми трудами башкиръ. Знаніе Караванъ-Сарая съ обшир-

нымъ дворомъ и мечетью предназначалось для склада товаровъ, но впоследствии обращено въ присутственнаго мѣста. Садъ этотъ, длиною въ полверсты и шириною болѣе 150 сажень, разросся великолѣпно и служить живымъ памятникомъ кровавымъ трудомъ башкиръ. На эту работу ихъ стогнали тысячами изъ самыхъ отдаленныхъ кантоновъ и они поливали эту ниву своимъ потомъ и кровью. Сколько паучныхъ ударовъ, сколько нагнетъ смызалось имъ въ спинахъ, прежде чѣмъ сдѣлалось дѣло. Во время существованія башкирскаго войска, культивированіе земель производилось на общинныхъ началахъ, и существовала такъ называемая общественная запашка. Земля подъ нее избиралась для ильскихъ кантоновъ самая лучшая, черноземная и на работу выгоняли ильскоко сотенъ башкиръ со всѣхъ окрестныхъ жительство. Башкирскія власти: кантонные начальники и юртовые старшины постоянно присутствовали на работахъ и разумеется, нагайка и здѣсь играла немаловажную роль. Для обработки земли были заведены пахатная орудія, приобретаемая на башкирскій капиталъ, который находился въ полномъ распоряженіи оренбургскаго генералъ-губернатора. Хотя принудительная работа дѣйствовала далеко не благоприятно на башкиръ и помимо тяжести отпечатывалась какимъ-то крѣпостнымъ отношеніемъ, при существованіи общественной запашки, они находились въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, нежели въ настоящее время. Каждая семья по окончаніи полевыхъ работъ получала изъ общественныхъ магазиновъ принадлежавшую ей часть хлѣба, котораго съ избыткомъ доставало на всю зиму и случаи голодной смерти, весьма часто повторяющіеся въ послѣдній годъ среди башкиръ, были въ то время очень рѣдки, и могли быть отнесены къ единичнымъ случаямъ. Въ настоящее время, съ той поры, какъ у башкиръ отняли всѣ земли свыше 40-десятиннаго душеваго наѣла, причѣмъ большая часть этихъ земель роздана чиновникамъ и офицерамъ (никогда или очень мало служившимъ въ Оренбургскомъ краѣ), башкиры очутились безземельными и у нихъ отнятъ главный источникъ жизни—отдача въ оборотъ земель подъ пашню и сѣнокосеніе. Сверхъ того, стѣсненные въ своихъ земельныхъ участкахъ, они не могутъ держать скота, да и тотъ, который у нихъ былъ, вывалился отъ ежегодно повторяющихся напѣдей. Общіяи башкиръ способствовали также и принужденіи. Подъ этимъ наименованіемъ извѣстны у насъ крестьяне, временно влѣзавіе въ арендное содержаніе башкирскія земли и теперь совершенно на нихъ водворившіеся. Такихъ принужденниковъ насчитываютъ тысячами. Сначала приходять дѣ-три семьи и заключаютъ съ башкирами письменное условіе на клочѣкъ бумаги, начинаютъ пахать вновь и производятъ сѣнокосеніе, съ уплатою башкирамъ выговоренной по условію арендной платы. При помощи подкупа старшинъ и общественниковъ крестьяне совершаютъ съ безграмотными башкирами акты на владѣніе ихъ землями и утвержденные въ правахъ собственниковъ начинаютъ распоряжаться башкирскою землею, какъ принадлежащею имъ. Выстроивъ три или четыре двора, они приглашаютъ къ себѣ однопельчанъ и наконецъ образуются съ теченіемъ времени деревни и даже селенія. Такимъ образомъ, въ Оренбургскомъ уѣздѣ возникло множество селеній и въ числѣ ихъ въ послѣдніе годы деревня Разномойка, гдѣ въ теченіи 12 лѣтъ отъ начала поселенія на рѣкѣ Разномойкѣ, очутилось теперь болѣе тысячи душъ русскихъ крестьянъ.

До 1860 года башкирамъ было воспрещено отчужденіе земельныхъ участковъ въ частную собственность, такъ какъ правительство фактически пришло къ убѣжденію, что черезъ продажу земель они приходять въ нищету и дѣлаются внолнѣ номадами, ко-

чужими нерядко на чужих участках и причиняющими значительные потравы и убытки крестьянскому населению, причем вследствие этих потрав крестьяне убивали быки и бросая их трупы в рѣку, или зарывая въ ямахъ, совершенно скрывали слѣды преступлений, и быки исчезали, а преступленія оставались безнаказанными. Подобныхъ случаевъ въ каждой волости бывало очень много и всѣ усилія администраціи открыть преступниковъ оставались безплодными.

— *Енисейск* (Корреспонденція «Восточнаго Обозрѣнія»).

Въ январѣ, бѣльскій волостной сходъ производилъ выборы волостного начальства на трехлѣтіе 1882—1885 г.—Головой выбранъ одного солиднаго крестьянина изъ «среднихъ». Мужикъ вышелъ всѣмъ, да оказалось за нимъ два недостатка: любить правду и не любить подносить подарковъ ни засѣдателью, ни волостному писарю. Эти недостатки крайне несправедливы нашей бюрократіи, принимающей ихъ за тяжкое личное оскорбленіе. Для вразумленія головы стали дѣлать ему со всѣхъ сторонъ всевозможныя придирки.

Обращиваніе и обираніе волостными писарями сѣрыхъ мужиковъ въ Сибири слишкомъ заурядное явленіе, но новозобранный голова оказался человѣкомъ наивнымъ: неоднократно приходилось ему недоумѣвать по поводу волостныхъ образцовыхъ порядковъ, для разъясненія каковыхъ онъ и обращался къ волостному писарю (Королеву), что подало писарю поводъ заподозрить въ головѣ человѣка «неблагонамѣреннаго». Недоумѣнія головы дошли до того, что онъ потребовалъ отъ писаря, чтобы тотъ ему «читалъ законы», на что писарь отвѣчалъ такъ: «я 18 лѣтъ служу, при мнѣ много было головъ, но ни одинъ изъ нихъ не требовалъ подобныхъ несообразностей». Поводомъ къ полному разведенію между головой и писаремъ послужили слѣдующіе вопросы головы: «А гдѣ желѣзо съ сгорѣлаго застѣдательскаго дома, котораго было до 15 пудовъ? А куда дѣлись съ торговъ корова и мука въ количествѣ 13 пудовъ? А почему вымѣшанъ зимой вышло на волость только 10 саж. дровъ вмѣсто прежнихъ 20 саж.? А по какому случаю въ собственныхъ расходахъ по волости сами учитываете?» и т. д. Чтобы избавиться отъ подобныхъ надобныхъ вопросовъ, писарь насплетничалъ на голову, что тотъ, будто бы, не хочетъ выдвѣдать засѣдателью квартирныхъ денегъ,—тутъ и пошла писать губернія.

Прежде всего г. Л.—въ попоробовалъ дѣйствовать угрозою: онъ заявилъ головѣ прямо и категорически, что буде онъ, голова, будетъ прекословить, на него будетъ надѣта «сибирка» и онъ будетъ помѣщенъ въ «мѣсто злѣное». — Угроза не подействовала, и г. Л.—въ придумалъ такой фортель: онъ приказалъ головѣ являться къ нему на квартиру три раза въ день «по дѣламъ службѣ». Голова нѣсколько дней въ точности исполнялъ это приказаніе: каждый разъ его задерживали по нѣсколько часовъ въ приходѣ, не допуская даже до «пресвѣтлыхъ отей» г. засѣдателя. Наконецъ, голова не вынесъ пытки, пересталъ являться къ «барину», а отъ всѣхъ этихъ перератъ забѣлѣлъ и слегъ въ постель. Г. Л.—въ, однако, не сложилъ оружіе. Онъ побывалъ у исправника, насплетничалъ ему съ три корба на голову, обвиняя его въ неповиновеніи начальству, въ препонахъ области «возмездій и воздаяній» и чуть ли даже не въ политической неблагонадежности. Нашего исправника взорвало, и онъ потребовалъ къ себѣ голову. Голова просилъ волостное правленіе донести исправнику, что по серьезной болѣзни своей онъ явиться не можетъ. Волостное правленіе, т. е. волостной писарь не смелъ нужнымъ исполнить просьбу головы, а засѣдатель, съ своей стороны, донесъ исправнику, что голова «сопротивляется» и не желаетъ подчиниться приказанію исправника. Исправникъ вызвалъ бѣльскаго старшину и

приказалъ ему доставить то бы что бы ни стало голову. На всѣ убѣжденія старшины, что голова лежитъ больной, г. исправникъ твердилъ одно: «взоръ, сважь его, брось на подводу и приволоди ко мнѣ». Старшина сообщилъ головѣ. Растерявшійся голова сзвалъ сходить и, пожалованнись, что волостное правленіе отказывается сообщить исправнику о его болѣзни, просилъ составить объ этомъ приговоръ. Засѣдатель и писарь немедленно донесли исправнику о «противозаконномъ поступкѣ» головы—«о сомнѣнн въ немъ, волостного правленія, въ неуказанное время и по неуказанному поводу—схода. Тогда исправникъ въ еще болѣе грозной формѣ потребовалъ къ себѣ голову. Нечего дѣлать, голова двинулся въ Енисейскъ. На дняхъ, онъ прѣсталъ въ полицейскомъ управленіи предъ грозными очами исправника и его помощника и завидѣвъ мнѣ, что вмѣстѣ съ писаремъ Королевымъ онъ служить не можетъ, что Королевъ крутымъ образомъ крестьянъ, ставить его, голову, ни въ грошъ, не слушается его, а, напротивъ, требуетъ отъ него безпрекословнаго повиновенія; что при подобныхъ порядкахъ онъ для волости ничего не можетъ дѣлать, а между тѣмъ вѣчнымъ придиркамъ лишаютъ его возможности заниматься своимъ хозяйствомъ, приходящимъ отъ этого въ упадокъ, грозя его одиннадцатипушевою семьей нищетою и т. д.—Грозный, вкупѣ съ помощникомъ, вмѣсто отъѣзда на голову: какъ-де онъ «бунтовать» можетъ, какъ онъ смѣетъ «не повиноваться начальству», какъ онъ смѣетъ... и т. д. трюнилъ ему и съ своей стороны, «сибиркой». Совершенно растерявшійся голова, глубоко потрясенный, обратился за совѣтомъ къ слѣдующимъ людямъ, которые могли только немного успокоить его и посоветовать подать исправнику формальное заявленіе о всѣхъ придиркахъ засѣдателя и беззаконіяхъ писаря. Голова заявленіе подалъ.

Чѣмъ вся эта «исторія» завершится, не извѣстно; таковы подвижки нашихъ земскихъ властей, ожидающихъ всегда гласности и ревизіи!

Барнаулъ, 5-го апрѣля (корреспонденція «Вост. Обозрѣнія»). Къ лѣтописи самоубійствъ присоединяемъ еще свѣжій фактъ. Сегодня, въ два часа пополудни, упустилъ себѣ пулю въ сердце смитритель здѣшняго духовнаго училища М. Н. Сибѣянскій, молодой еще человѣкъ, всего лѣтъ шесть назадъ окончившій курсъ въ казанской духовной академіи. Въ средѣ духовенства, въ которой принадлежалъ покойный не только по службѣ, но и по своимъ убѣжденіямъ, самоубійство—явленіе очень рѣдкое: отчасти поэтому, частью и потому, что мѣстное общество любило М. Н. за его добрый и честный нравъ и отзывчивость на все хорошее,—оно занимается обсужденіемъ причинъ, вызвавшихъ его на самоубійство. Одну изъ главныхъ причинъ этой грустной катастрофы называютъ неурядицы и раздоры съ самаго поступленія Сибѣянскаго на должность смитрителя въ Барнаульское духовное училище, причиною являющимся сутагою, Т., одолевавшимъ М. Н. и личными неприятностями и постоянными доносами епархіальному начальству. Т. считалъ своимъ призваніемъ вмѣшиваться не только въ дѣла духовенства, но и во всѣ общественыя дѣла, ведѣ производящій ссоры и несогласія.

Въ оставленномъ письмѣ и въ послѣднія минуты жизни покойный М. Н. не переставалъ упоминать, что одною изъ причинъ, испортившихъ ему жизнь и толкнувшихъ на рѣшительный шагъ—была безпрерывная, клауническая дѣятельность откровенно его отца Т. Въ тотъ моментъ даже, когда созрѣла мысль покончить съ собою, М. Н. не могъ избѣгнуть столкновенья съ нимъ. Въ магазинѣ, гдѣ онъ покупалъ револьверъ, судьба столкнула его съ этимъ *me mento mori*, жадно всматривавшимся въ

предметъ покинул. Не обошлось при этомъ безъ объясненій, гдѣ М. Н., всегда сдержанный и въ послѣдній и чуть-ли не единственный разъ, высказалъ публично все свое презрѣніе къ Т. и черезъ полчаса мучился уже въ предсмертной агоніи...

Конечно, объяснять исключительно одною этою причиною фактъ самоубійства М. Н. нѣсколько сѣбно; существуютъ, несомнѣнно, другія болѣе глубокая и отдаленная причины, испортившія жизнь его. Причины эти лежатъ въ самомъ характерѣ погибшаго, созданномъ ненормальною жизнью, и въ существующемъ строе, окружающемъ его. Обиде всей этой грязи и постоянной травлѣ доносами нравственно угнетали его; однимъ словомъ, для несформированнаго къ борьбѣ характера, какой имѣлъ М. Н. Сибѣйскій, при такихъ условіяхъ существованіе сдѣлалось не пощѣ силу до такой степени, что перебороло и охоту жить и пользоваться семейнымъ счастьемъ въ полномъ смыслѣ слова (М. Н. женатъ всего два года и жилъ очень счастливо въ семьѣ).

Не можемъ не замѣтить, что лучшая часть барнаульскаго общества, къ которой онъ принадлежалъ, конечно, отецъ Т., сочувственно отнесся къ этому прискорбному факту и независимо экономическому положенію семейства М. Н., не оставившему ничего, кромѣ долговъ. На погребеніи его присутствовала многочисленная и лучшая въ городѣ публика...

ПОЧТОВЫЯ ДОРОГИ СИБИРИ.

(Письмо въ редакцію).

Въ прошедшемъ году я имѣлъ удовольствіе совершить, по казенной надобности, слишкомъ 10,000 верстъ, на перекладныхъ, по почтовымъ дорогамъ Сибири. Это—не стоило полезно, сколь пріятно, особенно съ патристической точки зрѣнія. Вообразите:—10,000 полосатыхъ, казенныхъ верстовыхъ столбовъ, водруженныхъ въ доль первобытной природы: какая яркая картина нашей самобытной культуры! какое краснорѣчивое свидѣтельство о величій Россіи! Къ тому же, вездѣ пріятно видѣть порядокъ: на почтовыхъ станціяхъ все прилично, какъ слѣдуетъ; вышнѣны почтовые правила и подробное описаніе пути между станціями, съ точнымъ обозначеніемъ числа верстъ, прогонной платы и количества положенныхъ по штату лошадей. Жалобныя книги на виду: стало быть требуй, жалуйся. А все-таки почтовые дороги Сибири не отбѣгаютъ даже самымъ скромнымъ требованіямъ. Стоить только присмотрѣться къ порядкамъ, чтобы убѣдиться въ колоссальномъ несоотвѣтствіи между вышнѣностью и сущю, между громаднымъ правительственнымъ затратами и крайне неудовлетворительнымъ состояніемъ почтовой гоньбы. Главное, что здѣсь, какъ и по желѣзнымъ дорогамъ, правительство, принимая на себя весь рискъ предпріятія, въ сущности перевозитъ пассажировъ и товары на свой счетъ. Это обходится не дешево. Въ одной Сибири правительство издерживаетъ ежегодно миллионы рублей на уплату субсидій почто-содержателямъ, и размѣръ субсидій постепенно возрастаетъ съ развитіемъ промышленности и торговли. По собранному мною на мѣстѣ довольно точнымъ справкамъ, на нѣкоторыхъ станціяхъ Иркутской губ. казенная субсидія въ прошломъ году достигла 2,250 руб. на каждую пару (3—5 л.) лошадей. На станціи по штату полагаютъ въ Иркутской губ. 9 паръ,

слѣдовательно содержаніе подобной почтовой станціи обходится въ годъ слишкомъ 20,000 руб., то-есть дороже иной канцеляріи. Не угодно ли теперь сосчитать, во сколько обойдется содержаніе почтоваго тракта между Тюменью и Иркутскомъ, если на этомъ пути только всего 130 почтовыхъ станцій. Цифра получится довольно крупная, если даже принять за норму правительственной субсидіи рублей 750—800 на пару. А видъ вышеозначеннаго тракта только незначительный участокъ почтовыхъ дорогъ Сибири. Сверхъ того, правительство платитъ за перевозку своихъ чиновниковъ и почтовой корреспонденціи опредѣленную поперекъ цифру, отъ 1½ до 3 коп. за каждую лошадь. Многие, быть можетъ, спросятъ, зачѣмъ же въ такомъ случаѣ субсидія, если правительство платитъ за провозъ? Видѣ гораздо послѣдовательнѣе и выгоднѣе для правительства являться въ данномъ случаѣ въ роли не предпринимателя, а нанятого, т.-е. совѣмъ прекратитъ выдачу субсидій, хотя бы при этомъ пришлось возвысить плату за провозъ? Все это очевидно, бесспорно, но... видѣ у насъ безъ правительственной субсидіи трава не растетъ и птица гнѣзда не вьетъ, т.-е. такъ думаютъ многие, такъ ужъ принято у насъ думать. Это направленіе вездѣ сказывается. Посмотримъ же, какъ оно отражается на состояніи сибирскихъ почтовыхъ дорогъ. Возьмемъ напр. самый важный во всѣхъ отношеніяхъ путь Сибири: Тюмень—Омскъ—Томскъ—Красноярскъ—Иркутскъ—Верхнеудинскъ—Кяхта, а за тѣмъ вѣтъ его: Верхнеудинскъ—Чита—Нерчинскъ—Стрѣльскъ. Здѣсь особенно ясно обнаруживается, что значить въ развитіи почтоваго движенія правительственная субсидія, до какой степени вредно вмѣшательство правительства въ дѣло, не входящее въ кругъ его непосредственныхъ дѣйствій. Если на пустынныхъ трактахъ Сибири, за отсутствіемъ почтоваго движенія, правительственная субсидія, можно сказать, не нужна, то здѣсь она положительно вредна. Она, какъ мы сейчасъ увидимъ, скорѣе стѣсняетъ, чѣмъ способствуетъ почтовому движенію. Прежде всего, положенныхъ по штату почтовыхъ лошадей, на содержаніе каковыхъ и выдается собственно правительственная субсидія, крайне недостаточно. Въ самомъ дѣлѣ, по тракту отъ Тюмени до Иркутска, на болышинствѣ станцій, полагаютъ всего по 9 паръ, изъ коихъ одна, курьерская, должна быть всегда на-готовѣ. Къ Нерчинску содержатся вѣтъ паръ, или вѣрнѣе троекъ, а тамъ дальше—всего три пары. Повнятое дѣло, при количествѣ лошадей, въ сущности, едва достаточномъ даже для несправной перевозки почтовой корреспонденціи, станціи подчасъ переполнены проѣзжающими, а жалобныя книги ихъ жалобами. Мотивъ неудовлетворенія, по большей части одинъ:—приходится ждать лошадей часа, и даже дни, въ обществѣ станціонныхъ смотрителей и почтосодержателей, не отличающихся утонченною вѣжливостю въ отношенію къ проѣзжающимъ. Нужно проѣхать нѣсколько тысячъ верстъ, чтобы внолнѣ понять до какой степени это неприятно и неудобно. Однако, это что-жъ такое? Видѣ правительство платить субсидію почтосодержателямъ именно для того, чтобы все обстояло благополучно!

Скажемъ прямо: вся-то бѣда и происходитъ отъ правительственной субсидіи. Понятно, лошадей не хватаетъ, такъ какъ по штату ихъ полагаютъ крайне мало. Стало быть, даже при хоршемъ кормѣ, лошади истощены непосильной работой, иногда просто не везутъ. (А стоимостью погибавшихъ массами лошадей почтосодержатели тоже вынуждены относить на

счетъ правительственной субсидіи). Навязать же вольныхъ не легко; для этого нуженъ часъ—другой, а время въ дорогѣ дорого. Притомъ жители подчасъ, пользуясь случаемъ, запрашиваютъ вдвое и втрое. Дѣло доходило до грабежа: брали съ богатыхъ купцовъ въ Аламаѣ и Баероновѣ въ позарпшломъ году по 50 руб. за перегонъ, а такіа цѣны не оправдываются ни въ какомъ случаѣ дороговизны фуража. Но все это понятно. Правительственной такен на вольныхъ лошадей не установлено. Лошадей на-готовѣ нѣтъ. А правительственная субсидія, нарушая отношеніе между спросомъ и предложеніемъ, такъ сказать, искусственно возвышаетъ цѣны за провозъ. Вольный наемъ такимъ образомъ крайне затрудненъ. Но это только одно неудобство. Вотъ другое: почто-содержатели и состоящіе по большей части на негласномъ содержаніи ихъ стационные смотрители игнорируютъ проѣзжающихъ по той простой причинѣ, что главный интересъ ихъ не въ прогонной платѣ, а въ правительственной субсидіи, которую они, даже въ случаѣ величайшей несправности, получаютъ съ правительствомъ очень исправно, при содѣйствіи почтовыхъ чиновниковъ. Помимо, жалобы проѣзжающихъ, особенно въ Восточной Сибири, остаются безъ послѣдствій въ большинствѣ случаевъ, тѣмъ болѣе, что почто-содержатели дѣлать казенную субсидію весьма и весьма часто съ почтовыми чиновниками. Такимъ образомъ, составляетъ нѣчто въ родѣ шайки. За то, когда ѣдетъ сановная особа, дорога непременно оказывается въ совершенной исправности. Лошади являются моментально и везутъ съ необычайной скоростью. Въ то же время для обыкновенныхъ смертныхъ, ѣдущихъ хотя бы и по казенной надобности, вопреки почтовымъ правиламъ, отпускъ лошадей почти прекращается еще задолго до проѣзда «особы». Въ августѣ прошедшаго года, проѣзжая по Язайкальской области, во время проѣзда тайного совѣтника Галкина-Враскаго, я имѣлъ удовольствіе самолично убедиться въ этомъ и вручить ризиующему лицу попавшему въ мои руки предписаніе областного почтмейстера, держать на станинѣхъ $\frac{3}{4}$ вѣкъ наличныхъ почтовыхъ лошадей, въ полной исправности, въ теченіи слишкомъ двухъ недѣль, подъ экипажъ «ревизора», который, прочитавъ это предписаніе, выразилъ вѣкторное удивленіе по поводу столь неумѣтнаго, преувеличеннаго усердія мѣстныхъ властей, усердія крайне неблагоприятно отразившагося на движеніи не только проѣзжающихъ, но и почты. Вотъ каковы почтовые дороги, созданныя цѣною ежегодныхъ миллионныхъ субсидій. Безъ сомнѣнія, оѣтъ хорошо приспособлены для проѣзда высокопоставленныхъ лицъ и курьеровъ, но не для могучаго общественаго движенія. Между тѣмъ вышеозначенная дорога отъ Тюмени до Кяхты и Стрѣтенска, наравнѣ съ другими значительными путями, могла бы являться уже теперь всецѣло дорогой общественной, если бы она не была заключена въ тѣсныя рамки казенной субсидіи. Здѣсь, по этой дорогѣ группировалась бѣдшая часть населенія Сибири. Здѣсь почти все ея общественное и торговое движеніе.

Понятно, коль скоро есть лошади и спросъ на нихъ, то не въ субсидіи дѣло, а въ таксѣ за провозъ. Стоитъ лишь правительству установить прогонную поверстную плату, соразмѣрно съ условіями мѣстности и средними цѣнами на фуражъ. Но только прочь монополію! Не надо отдавать концессию на провозъ по всей линіи какому-нибудь кулаку-откупщику, который, подобно г. Михайлову,—концессионеру

дороги между Нижнимъ-Новгородомъ и Тюменью, получая, согласно установленной таксѣ, по 4 коп. за версту и лошади, подражаетъ отъ себя сельскія общества съ платой по 2½ коп. за версту, и такимъ образомъ, безъ особенныхъ затратъ и риска, собираетъ громадную контрибуцію съ проѣзжающихъ и правительства. Надо войти въ непосредственное соглашеніе съ мѣстными обывателями, или, еще вѣрнѣе, съ сельскими обществами, что, какъ извѣстно по опыту, гораздо лучше казенной почты обезпечиваетъ безостановочное движеніе. Словомъ, нужно повсемѣстно прекратить выдѣлъ безполезныхъ, или даже прямо вредныхъ субсидій почто-содержателямъ. Нужно замѣнить казенная почта общественными и земскими, что лучше всего можетъ возвысить будущее сибирское земство, а не исправникъ.

По собраннымъ мною на мѣстѣ справкамъ, прогонная плата въ 2½ коп. на версту и лошади, въ большинствѣ мѣстностей, сама по себѣ, безъ всякой правительственной субсидіи, была бы совершенно достаточна. Высшая же норма прогонной платы ни въ какомъ случаѣ не превышала бы 5 или 6 к. Но въдь даже и при такой колоссальной прогонной платѣ дѣло представляется, по многимъ соображеніямъ, выгоднымъ. Во-1-хъ, у правительства останутся въ карманѣ миллионы, которые оно теперь совсѣмъ-таки непроизводительно уплачиваетъ почто-содержателямъ. Во-2-хъ, почтовая голба, поощряемая лишь прогонной платой, несвязанная ни съ какими искусственными интересами, утратитъ свой теперешній формальный характеръ, станетъ договоромъ двухъ, а не трехъ сторонъ, какъ теперь. Въ-3-хъ, для мѣстныхъ жителей откroется болѣе или менѣе правильный постоянный заработокъ, который теперь, главнымъ образомъ, сосредоточивается въ рукахъ почто-содержателей. Въ-4-хъ, отъ такого положенія вещей несомнѣнно выиграютъ не только промышленность и торговля, но и скотоводство, а стало быть и земледѣліе.

Все это, кажется, ясно. Но въдь у насъ многія вещи, даже чрезвычайно важныя, остаются безъ надлежащаго разсѣдованія и обсужденія. Вѣдь, пожалуй, если коротенько почитать, во что обходится нынѣ правительству содержаніе почты и станцій, да сколько при этомъ правительство и общество теряютъ вслѣдствіе отсутствія хорошихъ путей сообщенія съ Востокомъ, то окажется, быть можетъ, что ириведеніе сибирской желѣзной дороги дѣло тоже выгодное. Но мы, вообще, не умѣемъ и не любимъ считать, а пока мы умимъ,—насъ обчитываютъ.

С. Голденскій.

ПРИРОДА И ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ДѢЛѢ КОЛОНИЗАЦІИ.

(Шесть о сибирскомъ хозяйствѣ).

Присутствуя въ хозяйству, прежде всего я навязъ, хотя и за болѣею противъ обычной цѣны, дѣльнаго работника, и началъ дѣло въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, предоставляя работнику самостоятельное распоряженіе, а за собою оставая только роль наблюдателя, требующаго лишь отчета, почему отъ что-либо дѣлалъ такъ, а не иначе; затѣмъ я дѣтельно помогая ему въ работѣ, чтобы личнымъ опытомъ опредѣлить, что въ какой работѣ можно требовать отъ рабочаго,

Въ этотъ первый годъ мнѣ удалось опредѣлить многое, что истекаетъ изъ неизмѣнныхъ условій мѣстности, и что есть сдѣлать только несчастья для рутинн. слѣдовательно, можно подлежать измѣненію. Вотъ почему со втораго же года моего хозяйничанья я сталъ вводить разные усовершенствованія, прибавляя число работниковъ и расширяя постепенно размѣры хозяйства. Нововведенія мои составляли вначалѣ всегда предметъ критики со стороны рабочихъ, но когда они увидѣли послѣдствія, то уже смѣялись сами надъ тѣми, кто не хотѣлъ послѣдовать моему примѣру; приведу въ образецъ слѣдующее: когда, вопреки обычаю начинать сѣнокосъ въ Сибири послѣ Прокоевскаго дня (8 іюля), узнавъ свойство своего сѣнокоса, я начиналъ косить до Петрова дня, и выкошенную траву у меня сейчасъ же перегребали на возвышенныхъ мѣстахъ, то моимъ работникамъ казалось, что я теряю много сѣна отъ недостаточной еще вышины травы, и дѣлаю лишнюю работу, перегребая траву немедленно; но когда постоянный опытъ ихъ убѣдилъ, что у насъ хоть сѣна было и меньше, но оно было отличное, питательное, не портилось и не уносило наводненіемъ, то стали уже осуждать тѣхъ, которые, медля сѣнокосомъ, допускали траву заглубѣть, покрывшись ржавчиной, и нерѣдко лишались ея и вовсе, когда разливалось отъ дождей ее уносило совсѣмъ, или разносило по кочкамъ. Отъ моихъ работниковъ довѣрие ко мнѣ перешло и на постороннихъ; такъ, когда я завелъ молотильные катки, они тотчасъ же вошли у всѣхъ въ употребленіе, такъ же какъ сѣвѣ гималайскаго, чернаго ячменя и пр., такъ какъ надо сказать, что сибиряки вообще, когда увидятъ пользу чего-нибудь на дѣлѣ, охотно переимяютъ; у нихъ нѣтъ слѣпой рутинн и картофель они не зовутъ чортovýmъ яблокомъ.

Теперь скажу объ общихъ результатахъ моего хозяйства. Пашню свою я довелъ до размѣра пяти засяемаыхъ десятинъ; но далѣе не пошелъ, встрѣя непроборимыя препятствія и въ качествѣ почвы, и въ несвоевременныхъ морозахъ и въ соперничествѣ для сѣва хлѣба, еслибы я имѣлъ его большой избытокъ сверхъ собственной потребности. Люди не стѣняемые въ развѣздахъ, могутъ выбирать любую землю, гдѣ хотятъ, въ отдаленіи, и даже заводить запку (усадыбу); отъ уренниковъ, поразмаившихъ низменныя мѣста, они ограждаютъ свои пашни тѣми, что располагаютъ ихъ довольно высоко на склонахъ горъ, что доставляетъ и другую выгоду, избавляетъ отъ необходимости огораживать пашню, такъ какъ тамъ не наесяетъ и не бродитъ скоти; продавая свой хлѣбъ, они могутъ отвозить его туда, гдѣ сѣбѣ выгоднѣе; но всѣ эти преимущества другихъ земледѣльцевъ были для меня, по моему положенію, недоступны; вотъ почему я и ограничилъ свое хлѣбонашество такимъ размѣромъ, чтобы имѣть свой хлѣбъ для своего дома, при нѣкоторомъ запасѣ на случай неурожайнаго года; такъ какъ я, при полномъ развитіи своего хозяйства, держалъ болѣе десяти постоянныхъ работниковъ и работницъ, то считая съ временными и со своимъ семействомъ, долженъ былъ прокормить человѣкъ двадцать, а не что и уходить весь получаемый хлѣбъ. Давая въ этомъ размѣрѣ мнѣ возможность имѣть достаточно работниковъ, онъ привнесъ мнѣ ту выгоду, что я и по другимъ отраслямъ хозяйства могъ все имѣть свое, не имѣя надобности прибѣгать къ покупкѣ чего-либо, такъ что денежный расходъ у меня ограничивался уплатою жалованья рабочимъ и покупкою такихъ вещей, которыхъ мое хозяй-

ство не могло производить; хлѣбъ, мясо, всѣ молочныя произведенія, овощи, лекарственныя травы, ягоди, грибы, отчасти и рыба, сѣно, дрова, все было свое, ничто не покупалось. Я уравнивалъ по хозяйству невыгодность своего положенія съ выгодностію положенія другихъ тѣмъ, что у меня пашня была лучше обработана, всегда «двоилась», а отътого было меньше сорныхъ травъ; сѣмена отбирались лучшія, потому что я всегда считалъ правдомъ, что какъ-бы дорого ни обошлись сѣмена на посѣвъ на пашню и на всякія растенія въ огородѣ, убытокъ отъ дороговизны ихъ будетъ все-таки несравненно меньше того, какой произойдетъ отъ потери труда и времени, какую причинятъ плохія сѣмена; наконецъ, ранній покосъ дозволялъ мнѣ дружную уборку хлѣба; одно дѣло не захватывало другое; я всегда могъ вполнѣ располагать работою, и могъ производить ее въ самую удобную для всякаго дѣла пору. Сохраненіе произведеній и обработка ихъ были у меня также лучше, чѣмъ у другихъ; пшеницу у меня обдирали, и моя шестичная мука не только не уступала дорогой привозной крупчатой, но и превосходила ее сѣвѣстью, прикусомъ и вкусомъ. Сѣвѣвая, что нужно было для своего употребленія, я въ то же время дѣлалъ опыты со всевозможными сортами хлѣбныхъ; многие удавались превосходно, и еслибъ хлѣбонашество у меня имѣло дѣлю продажу произведеній, то многое могло бы войти въ постоянное воздѣлываніе, какъ напр. гималайская черная яровая рожь (зерно вътрое больше обыкновеннаго), гималайскій ячмень, многозудная чечевица и пр.

Еще болѣшимъ развитіемъ и поучительнымъ примѣромъ отличались у меня огородничество и скотоводство. Слѣдуетъ сказать, что нѣкоторые произведенія ихъ могли не только выдержать состязаніе съ тѣми, которыя представляются дѣбѣ на выставкѣ, но и превзойти ихъ, и что у меня сдѣлалось ностогинными растеніями такія, о которыхъ и не мыслили, чтобы онѣ могли расти въ томъ мѣстѣ. У меня начала образовываться и порода скота, которая сдѣлалась выносливостію туземной породы съ качествами извѣстныхъ породъ тирольской, холмогорской и др. Изъ огородныхъ произведеній у меня всѣ сорта однодѣльныхъ иностранныхъ овощей далеко превосходили не только качествомъ, но и размѣрами и вѣсомъ туземнаго, до такой степени онѣ хорошо акклиматизировались.

Арбузы достигали у меня, несмотря на краткость дѣта, до полутора-пудоваго вѣса, и велись отъ раннихъ, доспѣвающихъ въ іюнь, до позднихъ парниковыхъ, снимаемыхъ въ октябрь; ихъ было болѣе 40 сортовъ и многие сорта вывели я самъ, отъ имѣющихъ зерна менѣе яблочныхъ до одной породы китайскихъ, у которой сѣмена величиною съ тыквенныя; особенно замѣчательны были одного сорта китайскіе, у которыхъ плеза сѣмянъ, висншая, трескалась такъ, что трещины представляли подобіе китайскихъ бубенъ, и по словамъ о. Іакинава, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Китая такія зерна употребляютъ для гаданья, стараются отсыпать сродство съ какими нибудь буквами и разобратъ смыслъ ихъ. Но особенно замѣчательны были у меня опыты съ американскимъ, турецкимъ и другими сортами табаку. Нерчинскій простой табакъ славится въ Сибири и составляетъ значительную отрасль дохода хозяевъ, воздѣлывающихъ его у себя въ огородахъ, но было мнѣнѣе, что иностранныя сорта не выдержатъ климата; однако же, при нѣкоторыхъ предосторожностяхъ, у меня

листья виринскаго табаку имѣли даже болѣе подутора аршинъ длины; мариландъ вырѣзаетъ полдюбъ, а амерфорскій доведетъ листья въ пять и шесть разъ больше чѣмъ туземный табакъ. Самъ я не курю, однако же дѣлалъ опыты и пригото- вленія табаку, и курящіе знатоки не могли понять откуда я могъ достать такой превосходный табакъ. Очень хорошо удаленъ у меня и нѣкоторыя новыя масличныя растенія; *Madia Sativa*, испанскій макъ и пр., но для общей пользы конечно благодѣтели все бо лучше устройтво у меня огоро- да лекарственныхъ травъ. Чтобы судить какова была тогда медицинская помощь внѣ городовъ, достаточно сказать, что на волость, имѣвшую пять тысячъ ревскихъ душъ, и рассти- нутую на 300 верстѣ, имѣлся только одинъ фельдшеръ и ему отпускалось напр. 12 золотниковъ александрійскаго листа, и всё другое въ такомъ же размѣрѣ, да еще неувѣжее, а нѣрдуко и подмоченное; порція ромашки, достаточная только для одного раза, продавалась у купцовъ по 30 коп. Я развелъ все лекарственныя травы, и какъ ими, такъ и другими пособиями (у насъ дома приготовлялись разные капли, примочки, мази, укусы и пр.) все пользовались безплатно, а нѣкоторыя травы жители приучились потомъ раз- водить и сами, получая отъ меня только сѣмена.

Изъ иглодныхъ кустарниковъ у меня отлично развелась англійская и чилийская крупная малина; французская чер- ная смородина; лимоны, выращенные изъ сѣмечекъ, давали, при помощи нѣкоторыхъ искусственныхъ приемовъ, плоды безъ прививки; ананасы давали плоды безъ теплицы и безъ лежанокъ. Что же касается до цвѣтоводства, то, не говори о растущихъ на воздухѣ, у меня въ домѣ и зимой сохраня- лось, образуя зимній садъ, до 600 кадокъ и горшковъ раз- ныхъ цвѣтовъ, и имѣлись такіе экземпляры (наприм. роза *gemontante* и Монморанси), какихъ не видѣтъ и здѣсь на выставкахъ. Но при этомъ необходимо пояснить, что это возможно было только потому, что домъ и построилъ такъ, что, несмотря на значительные размѣры оконъ, не- смотря на то, что двойныхъ рамъ и въ поминѣ не было, у меня и при 35° мороза по Реомюру, на спиртовомъ термо- метрѣ, не было никогда менѣ 14—16° тепла въ комна- тахъ. Все это засвидѣтельствовано и въ печати путешественни- ками, посѣщавшими меня. Относительно скотоводства, я приобрѣлъ телку холмогорской породы, при особенномъ уходѣ за нею выросла и выдержала ее такъ, что она стала пер- вою коровою въ краѣ. Скрещивая ее съ разными породами, туземною, тирольскою, холмогорскою и съ тибетскимъ якомъ, (въ народѣ звали его буйволомъ), и получилъ отличныя по- роды коровъ, переносившихъ жестокаго холода не хуже ту- земнаго скота, и дававшихъ молока столько же, сколько луч- шія породистыя коровы; особенно хорошо было молоко, вку- сное и густое, у коровъ отъ тибетскаго яка.—У меня дол- го обыкновенно отъ 5—7 коровъ, а молока было такое изобиліе, что за приготовленіемъ разныхъ молочныхъ произ- веденій, за удовлетвореніемъ всей домашней потребности, у меня ежедневно раздавалось безплатно значительное ко- личество молока бѣднымъ женщинамъ, особенно имѣвшимъ грудныхъ дѣтей.

Я сказалъ выше, что мало еще производить что либо, надо ухитрѣ и сохранить. Солома и сѣно сохранялись у меня подъ навѣсами; и потому скотъ имѣлъ всегда подстилку сухую, а въ кормѣ сухое сѣно; для овощей были устрой-

ствія подполья, а для нѣкоторой части овощей, въ самыхъ подпольяхъ вырылиась еще ямы, куда складывалась овощи и засыпалась пескомъ, и такимъ образомъ сохранялась до свѣжаго сбора. Зерновой хлѣбъ и мука хранились въ су- хомъ амбарѣ въ бочкахъ, всякаго рода соленья сохранялись въ теплыхъ подпольяхъ; соль для всякой посолки очищалась. Замѣчу еще при этомъ, что опыты у меня доказали, какое важное подспорье можетъ оказать въ томъ краю овецъ, такъ какъ двадцатилѣтнее наблюденіе показало, что урожай яки гораздо болѣе обезпеченъ чѣмъ зерноваго хлѣба, упо- требленіе же ея разнообразитъ пищу и уменьшаетъ требова- ніе на хлѣбъ.

Добавлю нѣсколько словъ и о нѣкоторыхъ порядкахъ въ моемъ хозяйствѣ, такъ какъ правильное распределеніе и устройство работъ давали мнѣ возможность, облегчивъ во многомъ трудъ работниковъ, не вредитъ однако же успѣху дѣла. У меня, напр., никогда не рубили дрова въ лѣсу, такъ какъ при этомъ надо было бы долго держать тамъ людей, да дрова легко и красть; въ мартѣ мѣсяцѣ при- готовляли крижи, которые можно было вывозить только на длинныхъ бычьихъ саняхъ; по наступленіи зимы, когда устанавливался путь, крижи свозили на дровяной дворъ, и рубка или распила крижей и расколка дровъ производи- лась зимою, въ свободное отъ другихъ занятій время, при- чемъ работники имѣли всегда возможность зайти въ люд- скую и обогрѣться, обѣдали и чай или во-время, вмѣсто того чтобы зябнуть цѣлый день въ лѣсу и замѣнять обѣдъ сухой ѣдой; оттого работники работали у меня охотно и бордо, и во все слѣшкомъ двадцать лѣтъ, какъ я велъ хо- зяйство, у меня никогда, ни одинъ работникъ не былъ бо- лѣвъ— работа на быкахъ была выгодна, потому что были не требуютъ другой упряжи, кромѣ деревяннаго яра, а на бычьихъ телѣгахъ или саняхъ пара воловъ свезетъ больше, чѣмъ сколько можно свезти на трехъ конскихъ телѣгахъ или саняхъ въ одну лошадь.

Во время снѣжоса работники жили у меня на покосѣ, но одинъ изъ нихъ прѣзжалъ къ ночи какъ для охраненія дома, такъ и для отвоза на другой день свѣжей провизіи людямъ на покосъ. Прѣзжалъ вечеромъ сѣ покоса, работникъ привозилъ и траву, часть которой давалась се вечера находящемуся при дворѣ скоту, если онъ почему либо недоста- точно наѣлся въ полѣ, а часть на другой день по-утру, передъ выпускомъ въ поле, чтобы, идучи до хорошей травы, не хватились по дорогѣ за дурную, за полынн и т. п., какъ бываеетъ часто со скотомъ, когда онъ идетъ въ поле голод- ный. Съ самаго начала я старался образоватъ запасы по всемъ отраслямъ хозяйства, почему были всегда слишкомъ годовые запасы хлѣба, овощей, соли, сѣна, соломы, дровъ, такъ что я никогда не былъ въ необходимости бросать одно дѣло, чтобы удовлетворить неотлагательной потребности другою, ни покушать въ невыгодное время и по дорогѣ чѣмъ то- либо необходимое, отъ того что не было чего либо въ за- пасѣ. Такимъ образомъ при подобномъ устройствѣ хозяйства и изломанныхъ порядкахъ, когда я сводилъ общій счетъ рас- ходовъ и прихода, то оказывалось, что я при сѣбѣенномъ положеніи и другихъ невыгодахъ получалъ отъ своего хозяйства не менѣе выгоды, чѣмъ тѣ, которые были въ болѣе благопріятномъ положеніи.

ЗАУРАЛЬСКІЯ ПОДВИЖНИЦЫ.

(ФЕЛЬЕТОНЪ).

Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно, что въ нѣдрахъ народныхъ скрываются нерѣдко могучія петровыя силы, которыя иногда внезапно просыпаются и вспыхиваютъ въ трудныя критическія минуты, когда какая нибудь идея и событія охватываютъ народныя массы. Какъ бы доказательствомъ тому служить слѣдующій фактъ, выятый изъ дѣйствительной жизни.

Въ срединѣ русско-турецкой кампаніи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подъ влияніемъ гула живыхъ событий, донесшихся до глубины провинціи, изъ глухой Пермской губерніи въ окрестностяхъ гор. Камышлова, по ту сторону Урала, въ селѣ Катайскомъ высказались двѣ дѣвочки крестьянки Халтурины, тетка съ племянницей, рѣшившіяся отправиться на помощь русскимъ борцамъ въ турецкой войнѣ, въ видѣ сестеръ милосердія. Онѣ прошли пѣшкомъ изъ Камышлова до Петербурга, о чемъ когда-то было даже напечатано въ газетахъ. Долго онѣ искали возможности пристроиться въ сестры милосердія, но имъ вездѣ отказывали. Наконецъ въ Петербургѣ удалось имъ поступить въ санитарный отрядъ Краснаго Креста, Принцессы Евгении Максимиліановны. Онѣ пробывши до конца войны въ Херсонской губерніи въ госпиталяхъ тифозныхъ, совершая трудную работу. По окончаніи подвига, онѣ возвратились на родину, но жизнь не давала имъ возможности примѣнить свои силы на общую пользу. Одна вышла замужъ, другая искала долго мѣста при земскихъ больницахъ, но не нашла, между тѣмъ потребность дѣятельности не оставалась ея.

Она выучилась грамотѣ, начала развиваться, читать, прочла: Пушкина, Тургенева, Некрасова, Рѣшетникова, цѣлый новый міръ предъ нею началъ открываться, пробуждался любовательствомъ; кипѣли силы, но въ обществѣ никто не приходилъ на помощь, ничто не давало пищи проснувшемуся уму! Явились новыя думы и планы.

И вотъ эта дѣвушка-подвижница, всѣми забытая, голямая махичой, въ началѣ октября, осенью прошлаго года снова выходитъ изъ Камышлова, снова идетъ столь же безвѣстною и одинокою, пѣшкомъ въ нищенскомъ одѣяніи бредя около озера, по проселкамъ, или по полотну желѣзной дороги, для сокращенія пути, чѣй ей удавалось не разъ. Нынѣ, однако, удасная случайность около Коврова подвергла ее серьезной опасности. Раздался грозный свистъ локомотива, — привычная и опытная, она перешла на соедѣние рельсы въ твердомъ убѣжденіи, что остереглась. Новый свистъ ей не далъ опомниться, другой встрѣчный поѣздъ на скрепящихся направленныхъ осяхъ ея съ ногъ. Чрезъ нѣсколько секундъ она лежала на полотнѣ въ оборотѣ съ раздробленною ногою. Въ продолженіе 6-ти мѣсяцевъ въ больницѣ вынесены страшныя мученія въ гор. Ковровѣ. Нога была отрубана по колено, затѣмъ открылся антоновъ огонь, нога отнята по бедру, но жизнь ваяла свое. Измученная, но по прежнему энергичная, она достигла нынѣ Петербурга и, исцѣленная, ищетъ случая пристроиться въ госпитальныя или богадѣльнныя. Удастся ли это ей, неизвѣстно. Нельзя не изумиться подобнымъ характерамъ! Да, читатель, характеры удивительные, но удивительнѣе еще отношеніе общества къ судьбѣ подобныхъ женщинъ. Миссъ Найтингель, за свое самоотверженіе въ Крымской кампаніи, вызвала поклоненіе и уваженіе всей Англіи,

ей были оказываемы всевозможныя почести, ея старость была обезпечена, ея слава была разнесена по свѣту. Судьба нашихъ подвижницъ не такова, въ нашемъ обществѣ онѣ встрѣчаютъ вѣрждо не только безучастіе, но и безсердечіе. Иначе какъ объяснить это безвыходное положеніе и пѣшеходное странствіе заслуженной сестры милосердія? Какъ назвать подвиги желѣзнодорожнаго начальства, не могшаго отправить исцѣленную женщину на желѣзной дорогѣ до мѣста ея слѣдованія бесплатно? Она выбрала благодарно деньгамъ присланнымъ изъ Петербурга одной благотворительницей. Ковровская больница вышисала большую прежде времени съ еще незажившей ногой, ея видъ остался у слѣдователя. Безъ вида, безъ помощи, измученная и неизлѣченная, она осталась послѣ своихъ подвиговъ на пользу отечества. И это плата!..

Кидай золото и вѣнки, милое общество, на любимцевъ твоей славы, на Сару Бернаръ, на танцовщицъ, гризетокъ и забавы утонченной роскоши! Веселись и ликуй, милое общество, въ своихъ Ливадіяхъ и Аркадіяхъ, но, ради Бога, оставь пустыя фразы, что ты любишь народъ и свое отечество!..

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Похороненъ великій патріотъ Италіи, умеръ другъ свободы и человѣчества, Джузеппе Гарибальди. Имя его, близкое Италіи, было близко всему міру. Оно было извѣстно и мамѣ, сынамъ Сѣвера. Въ лучшую эпоху оживленія нашего отечества, 20 лѣтъ назадъ, это имя, сіяя славою на Европейскомъ горизонтѣ среди вождей свободы, и возрожденія народовъ, достигло и нашего слуха. Оно было примѣромъ гражданской доблести, могучей энергіи, безпримѣрной храбрости, страсти и хладнокровія въ одно и то же время, представителя высокаго ума и нѣжнаго сердца, нѣчто дѣйствительно грандіозное, что выдвигается вѣками среди человѣчества по сочетанію дарованій. Въ его политическомъ складѣ и характерѣ не было ничего лицемернаго и двуличнаго, ничего могущаго упрекнуть его въ измѣнѣ и компромиссѣ девизу и идеѣ. Это былъ рыцаръ чести, всегдашній протестантъ наслія, защитникъ несчастныхъ и угнетенныхъ. Не было событій въ отечествѣ, не было событій въ Европѣ, въ лучшую пору его жизни, когда сильная рука его со многаго не являлась-бы въ защиту права и справедливости. Когда бояся жизнь, раны и годы состарилъ его тѣло, онъ воодушевлялъ бойцовъ, и честный голосъ съ Капреры звучалъ по прежнему по просторамъ, то негодоваемъ, то вѣрую въ будущее. Политикъ, но не лекарь, политическій борецъ, прямой и гордый, никогда не унижившійся до скользкаго правила «цѣль оправдываетъ всѣ средства», никогда не дѣйствовавшій вѣроломно, это былъ примѣръ благороднаго борца. Въ этомъ характерѣ человѣка было много льнаго, великодушнаго, спокойнаго и грознаго. Общее достоинство человѣчества, человѣкъ съ міровой душою, онъ былъ величайшимъ патріотомъ своей Италіи, безумно любящимъ ея, и отдавшимъ ей всѣ силы. Стоя въ безочеловѣченнаго космополитизма, Гарибальди доказываетъ, какъ лю-

бовъ къ отечеству воспитываетъ любовь ко всему человѣчеству. Какъ гражданинъ, заслуги его признаны были всеми партиями и всеми націями, почтившими его почестями, въ совокупности съ выдающею надъ его гробомъ безупрочной Италіей.

«Умеръ Гарibaldi! Умеръ отецъ народа, отецъ шаха! Какую сердечную муку неожиданно принесло намъ печальнѣйшее извѣстіе! Мы шлемъ и плачемъ». Такъ начинается свою передовую статью, 3-го іюня, миланская газета «Secolo».

«Пишемъ и плачемъ» — такъ могли бы совершенно искренно сказать про себя и всѣ органы общественного мнѣнія въ Итали. Да и какъ же не плакать при потерѣ такого человѣка? Кто же не знаетъ среди итальянцевъ, чѣмъ обязано Гарibaldi'ю все общее отечество? Национальное обидѣнное вѣститъ надъ Италіей! Умеръ Джузеппе Гарibaldi' — вотъ съ какими словами, прежде всего, обратился президентъ итальянской палаты депутатовъ Фарини къ своимъ товарищамъ, открывавъ засѣданіе 3-го іюня.

«Чего мы плачемъ?» — спрашивается себя, уже на третій день послѣ смерти героя, миланская газета и, указавши на тяжесть постигшаго Италию удара, говоритъ о Гарibaldi:

«Онъ былъ лучшею частью всѣхъ насъ; онъ былъ нашимъ вождемъ и учителемъ; онъ былъ Прометеемъ, выравшимъ Италию изъ раба; онъ былъ чистѣйшимъ и благороднѣйшимъ олицетвореніемъ челоуѣчества».

«Храбръ, какъ Эпимонидъ, доблестенъ какъ Тимолеонъ, скромнъ и простъ, какъ Пиндидатъ, защитникъ угнетенныхъ, какъ Спартакъ, безкорытный патриотъ, какъ Вашингтонъ, челоуѣкъ, какъ Мадзини — вѣдь, нужно пробыть исторію нѣсколькихъ вѣковъ и совокупить воедино самыя блестящія дары, разсыпанные въ самыхъ избранныхъ борцахъ челоуѣчества, чтобы получить такой-то типъ доблести и геройства, какой произвела новая Италія въ лицѣ Гарibaldi'».

Такъ смотрятъ на своего усопшаго національнаго героя итальянцы, которыхъ онъ неутомимо призываетъ къ борьбѣ за свободу, подавая имъ примѣръ несокрушимой твердости духа и непоколебимой вѣры въ судьбу Италіи, презирая опасности, борась съ горстью людей противъ тысячъ непріятелей и внаухъ поработенному народу, что есть національная честь и национальное достоинство.

«Гарibaldi» — говорилъ Криспи въ засѣданіи палаты 8-го іюня — былъ не челоуѣкъ: это было могущество, сверхъестественная сила». Принадлежъ рываши прервалъ рѣчь оратора, стремившагося изобразить, како могущественное дѣйствіе производилъ на соотечественниковъ образъ этого челоуѣка, передъ которымъ итальянцы преклонялись, како предъ божествомъ, видя предъ собой величье нечелоуѣческое.

Въ году прерватности переживаемыхъ Европой, среди всего низкаго, вѣроломнаго, бездарнаго, кроваваго и чудовищнаго, что проходитъ предъ глазами современниковъ, если на чемъ можно остановить взоръ и получить утѣшеніе, вѣру въ челоуѣчество, то именно только на подобныхъ избранныхъ народа. Не погибъ еще мѣръ, не иссякла еще вѣра въ его грядущее, доступно еще возрожденіе и спасеніе челоуѣчества, когда націи могутъ рождалъ подобныхъ гражданъ. Имя Гарibaldi' станетъ по всей вѣрватности рывомъ съ именемъ Вашингтона въ пантеонѣ челоуѣчества. Глубокая скорбь и слезы орошаютъ его гробъ, но великій образъ будетъ долго сіять и указывать примѣры великаго гражданаго служенія. Все націи, парламенты и народныя представители соединились въ однихъ чувствахъ надъ его могилой. За подробными описаніями его погребенія мы отсылаемъ къ газетамъ.

— Въ Англии, медленность, съ которой идетъ борьба о репрессивныхъ мѣрахъ въ Ирландіи, порождаетъ такое неудовольствіе въ населеніи, что поговариваютъ о распусценіи парламента. Въ Ирландіи аграрная война продолжается. 27-го мая (8-го іюня) въ различныхъ мѣстностяхъ Ирландіи были сдѣланы покушенія на жизнь четырехъ арендаторовъ. Все четверо тяжело ранены. Аресты произведены только въ одной изъ мѣстностей. Убить землевладѣльца Вальтера Борнъ въ Гальвейскомъ графствѣ, виновники не найдены. Майкель

Дэвидъ Ливерпуль объявилъ, что противъ шнйшаго положенія дѣль въ Ирландіи нельзя сдѣлать ничего инаго, кромѣ учрежденія автономнаго правленія, съ ирландскимъ парламентомъ, для созданія изъ Ирландіи дѣйствительной національности. Въ другой англійской провинціи, въ Инди, безпорядки грозятъ перейти въ междоусобную войну между многочисленными племенами этого края. Вѣдѣтвие челоуѣка предполагаемое сокращеніе численности войска въ Инди едва ли послѣдуетъ.

— Последнее время Порга старался установить успокоеніе извѣстнаго о Капрѣ и объ успѣшномъ результатѣ миссіи турецкаго комиссара Дервиша-паша, отправленнаго въ Капръ, какъ вдругъ получило извѣстіе, что 30-го мая произошло народное возмущеніе въ Александріи. По извѣстіямъ «Агентства Рейтера», въ семь часовъ вечера, давъ предупредительно возмущеніею толпѣ пяти-часовой срокъ для успокоенія, противъ нея выступила вооруженная сила Туземцы-инсуренты разсыпаны, порядокъ восстановленъ. Во время возмущенія тяжело ранены англійскій консулъ Куксонъ, греческій консулъ и итальянскій вице-консулъ, Брошевонъ «Superb» ночью войдетъ въ гавань, высадитъ 200 челоуѣкъ для защиты консулата и приметъ на борту англійскихъ подданныхъ. Убитыхъ насчитываютъ до 20-ти. «Агентство Гаваса» сообщаетъ, что при безпорядкахъ убиты 49 европейцевъ и пять туземцевъ; ранено 80 европейцевъ и 28 арабовъ. Телеграммы отъ 31-го мая (отъ 11-го іюня, въ полночь) передаютъ уже слѣдующія извѣстія: Порядокъ въ Александріи восстановленъ. Городъ занятъ войсками. Рассказываютъ, что безпорядки вспыхнули одновременно въ трехъ различныхъ частяхъ города; слѣдовательно они, во всѣхъ вѣроятностяхъ, были подготовлены. Дервиш-паша, въ сопровожденіи товарища военнаго министра, товарища министра юстиціи и адъютанта Хедина, съ экстремнымъ побѣдомъ выѣхалъ въ Александрію. Полагаютъ, что, въ случаѣ новыхъ безпорядковъ, Мазетъ и Сенкевичъ распорядятся о высадкѣ десанта съ союзной эскадры. На трехъ французскихъ и двухъ англійскихъ судахъ разводятся пары и готовятся ко всякой случайности. Городъ въ большомъ волненіи; консулы сильно встревожены. По дальнѣйшимъ извѣстіямъ изъ Александріи, толпа арабовъ ограбала нѣскольکو лавокъ. Нагруды двоемъ. Говорятъ, будто старшіе офицеры арміи рѣшили сегодня потребовать отреченія Хедина и убитъ его въ случаѣ сопротивленія. Присланы, однако, что кавалерія и артиллерія не хотѣтъ примкнуть къ движенію.

Событія русской жизни.

— Высочайшимъ указомъ правительствующему сенату сдѣлано распоряженіе о постепенной замѣнѣ подушной подати другими налогами. Мѣра эта встрѣчена сочувственно всею столичною печатью, которая въ уничтоженіи налога въ видѣ подушной подати видитъ уравненіе правъ всѣхъ слоевъ общества. Съ 1-го января 1883 года освобождается отъ подушной подати мѣщане, бывшіе дворяне люди, принадлежавшіе въ восточнѣмъ безземельные крестьяне и бывшіе помѣщичьи крестьяне, получившіе при освобожденіи четвъртнюю надѣль. Затѣмъ, съ каждымъ годомъ мѣра эта будетъ распространяться и на другихъ владельцевъ, пока не охватитъ наконецъ всего населенія. Средства замѣнить подушную подать чѣмъ бы то ни было еще не изыскали, а между тѣмъ это податъ доставлялъ государству 60,000,000 рублей. Вотъ почему оказалось невозможнымъ отменить подушную податъ одновременно для всего податнаго сословія.

— Въ Москвѣ скончался нашъ знаменитый художникъ Перовъ. Живопись въ лицѣ его потеряла одного изъ своихъ крупнѣхъ представителей. Онъ умеръ въ полномъ расцвѣтѣ силъ своего таланта.

— «Годось» сообщает, что извѣстный путешественник Милухо-Маклаеъ возвращается изъ Австрали въ Россію. Часть своихъ коллекцій онъ везетъ съ собою, чтобы подарить географическому обществу. Пребываніе у насъ путешественника будетъ кратковременное. Онъ рассчитываетъ попасть въ сѣ родины, переговорить съ географическимъ обществомъ, а затѣмъ возвратиться въ Австралію для дальнѣйшихъ работъ.

— По почину Москвы, явившей, что выселеніе евреевъ можетъ вредно повліять на торговлю съ югомъ, появилось замѣчаніе въ томъ же родѣ изъ Варшавы. Оно принадлежитъ варшавскому биржевому комитету и представлено министру финансовъ.

— Газетѣ «Заря», пишущей изъ Одессы: «19-го мая состоялось экстренное засѣданіе совѣта новороссійскаго университета для суда надъ 100 студентами. Все эти студенты обвинялись въ членствѣ предудетельнаго постака въ стѣнѣ университета, а именно: огорченіе и раздраженіе выходя въ отставку любимыхъ профессоровъ Меншикова, Посникова и Преображенскаго, студенты думали, что дѣло можно поправить, если настоящій ректоръ откажется отъ своего мѣста. Результатомъ этого явилось неофициальное письмо студентовъ къ ректору. Стѣнѣмъ былъ судъ надъ подишавшимъ это письмо, постановившій: съемъ студентовъ, какъ состоявшихъ подъ особымъ надзоромъ инспекціи университета, уволить изъ новороссійскаго университета навсегда, а остальнымъ сдѣлать выговоръ».

— На дняхъ въ Петербургѣ скончался послѣ непродолжительной болѣзни бывшій якутскій губернаторъ, генерал-майоръ Викторъ Павловичъ де-Витте.

— Князь М. С. Волконскій принялъ на себя, по просьбѣ генералъ-губернатора Восточной Сибири, сборъ добровольныхъ пожертвованій въ С.-Петербургѣ на сооруженіе памятника бывшему генералъ-губернатору Восточной Сибири графу Николаю Николаевичу Муравьеву-Амурскому. Цифра пожертвованій равняется уже 6928 рублямъ. Адресъ князя Волконскаго: С.-Петербургъ, Гагаринская набережная, домъ 24.

— Именными Высочайшими указами, отъ 30-го мая, министръ внутреннихъ дѣлъ, членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, графъ Игнатъевъ-Всемогущественнѣе уволить, согласно его прошенію, но болѣзни, отъ занимаемой имъ должности, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и въ званіи генералъ-адъютанта; президенту Императорской академіи наукъ, члену государственнаго совѣта, сенатору, дѣйствительному тайному совѣтнику, графу Толстому—Всемогущественнѣе повелѣно быть министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ президентомъ академіи, членомъ государственнаго совѣта и въ званіи сенатора.

— Въстѣ объ отставкѣ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ въ Петербургѣ появилось 31 мая. Слуховъ въ городѣ этому не предшествовало. «Нов. Вр.» объясняетъ выходъ министра какими-то разногласіемъ, на которое, однако, не указываетъ. «Годось», посвящая статью переѣзду министерства, говоритъ: «Подводя итоги за прошлые 12-ть мѣсяцевъ, не можемъ не сказать, что страна не только не вышла изъ состоянія напряженнаго ожиданія, но, быть можетъ, элементовъ тревоги теперь еще больше, чѣмъ было годъ назадъ. Все это годъ можно считать пропущеннымъ, хотя множество вопросовъ было поднято», прибавляетъ газета. «Страна» пробуетъ выразить, по поводу переѣзды, ожиданія и надежды русскаго общества, характеризуетъ ихъ такимъ образомъ:

«Прежде всего, необходимо, чтобы стѣмъ ясно, что мы хотимъ и куда мы намѣрены идти. Для этого необходима въ высшей администраціи, во-первыхъ, опредѣленная программа, которой доселѣ не было; во-вторыхъ—устраненіе изъ политики внутренней пріемовъ исключительно-дипломатическаго свойства. Дипломатія, считающая достаточной для себя задачей—какъ-нибудь выгадать время, извернуться, скрытъ намѣрнія, которая ей самой еще неясны,—за фехтеревкомъ словъ, общаиной, увѣренъ въ разныя стороны—вовсе не соответствуетъ внутренней великой задачѣ правительства.

Сущность этой задачи въ томъ, чтобы дѣлать добро, приносить реальную пользу управляемымъ. Для чего же дипломатизировать съ тѣми, кому хочешь добра? Дипломатическіе ухищренія годятся только противъ соперниковъ или враговъ государства, а внутри страны они скорѣе вредятъ дѣлу. Здѣсь не только въ смыслѣ высшей цѣли, но и въ самыхъ пріемахъ должна преобладать правда.

Бросая взглядъ на исторію послѣднихъ одиннадцати мѣсяцевъ, мы видимъ много начинаній по предпріятіямъ весьма сложнымъ; быть можетъ, предпріято было даже слишкомъ много вдругъ изъ того, что наиболее трудно сдѣлать, и другія вещи болѣе легкія, удобополнимыя, но менѣе эффектныя, оставались въ сторонѣ. Но главное, правительственная мысль не успѣла вылиться доселѣ въ достаточную опредѣленность».

Передавая краткія мнѣнія газетъ, мы желали бы напоминать, что, несмотря на находимые недостатки въ неискренности, связъ администраціи съ обществомъ во все прошлое министерство еще не была порвана. Графъ Игнатъевъ дѣлалъ не разъ попытки этого сближенія, былъ достигнута всѣмъ и вѣрдаго, особенно въ первое время, интересоваема знать общественное мнѣніе и его представителей. Будетъ ли поддерживаться эта связъ въ будущемъ и какія отношенія установятся съ обществомъ при новомъ министерствѣ, вотъ вопросы, которыми задается печать и общество.

Мы, заинтересованные судьбами Востока, знаемъ, что при графѣ Игнатъевѣ сибирскіе вопросы и вопросы окраинъ заслужили вниманіе, хотя и не были всѣ разрѣшены. Совершилась административная реформа, но Сибирь ждетъ еще судебной и земской. Въ прошлое министерство сибирскіе вопросы стали ближе въ общемъ стрѣбъ дѣлъ, въ силу живыхъ требованій, и желая не потерять, чтобы въ ряду государственныхъ задачъ они не утратили своего мѣста.

— Во вторникъ, 1-го іюня, Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Федоровна благополучно разрѣшилась Августѣйшею Дочерью, нареченною Ольгою.

— Военнымъ губернаторомъ Семірѣченской области, командующимъ въ оной войсками и наказнымъ атаманомъ семірѣченскаго казачьяго войска, съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ, назначенъ помощникъ командующаго войсками Сыръ-Дарьинской области, генералъ-майоръ Фриде.

— 27-го мая, новый туркестанскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками туркестанскаго воинскаго округа, генералъ-лейтенантъ М. Г. Черныевъ, какъ заявляетъ «Нов. Вр.», имѣлъ счастье представлять Его Величеству Государю Императору въ Александріи, во дворцѣ, на фермѣ.

— 1-го іюня, въ 3 часа пополудни, съ потогвымъ поѣздомъ шикоманской желѣзной дороги выѣхалъ изъ Петербурга графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

— По слухамъ «Новаго Времена», департаментъ государственной полиціи и корпусъ жандармовъ выдѣляются изъ вѣдѣній министерства внутреннихъ дѣлъ и составляютъ особое государственное учрежденіе, начальниками котораго назначать духъ кандидатовъ: генералъ-адъютанта П. А. Черныева и Ѳ. Ѳ. Трепова.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

Наши пути сообщенія, экономическаго очерка. Составилъ Д. Рыкаловъ и В. Блатье. 1882 г.

Въ этой книгѣ доказывается прежде всего, что стѣ желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Россіи, направленныхъ къ границамъ и не связаннымъ съ производственными центрами страны, является благоприятнымъ образомъ только на развитіе торговли и промышленности и востражиныхъ государствъ, обрѣвшихъ Россію въ рынокъ для сбыта своихъ произведеній. Вслѣдствіе этого, существованіе нашихъ

железные дороги без помощи правительства невозможны. И действительно, мы знаем из трактата г. Николая—она («Слово», октябрь 1880 г.), что около $\frac{1}{3}$ всего бюджета государственных расходов полагается всякого рода помощи, оказываемой государством железным дорогам и около $\frac{1}{4}$ всех государственных доходов обусловлены постройкой железных дорог; несмотря на такую громадную поддержку, задолженность железных дорог государству простирается до 80% всех доходов казны. Но наши авторы не останавливаются на таком прескорбном выводе, а путем сравнения развития нашего железнодорожного дела с западно-европейским, приходят к следующим заключениям: 1) по условиям нашей экономической жизни не предостало нужности строить железные дороги с исключительной целью доставить стран средства для срочного и непрерывного передвижения ее грузов; и 2) наши железные дороги в их совокупности, как сами по себе, так и по сравнению шоссейных и хороших грунтовых дорог, не составляют сети, способной возбудить экономическую жизнь страны и служить ее интересам. И в самом деле, в то время, как средний тариф по всем русским дорогам и для всех грузов принимается около 28 к. с. с пуда на 1,000 верст, средний тариф по водным путям и за то же расстояние можно принять близко к ступи равным 6 к. с. пуда; следовательно, водной путь дешевле железнодорожного почти в 5 раз. В действительности эта разность еще больше, ибо правительствами субсидии железным дорогам есть не что иное, как дополнительная плата к настоящему, недостающая или у железнодорожному тарифу. Кроме того, следует помнить, что главным весом наших грузов состоит из тяжелого и дешевого сырья, на котором всякая лишняя копейка отнимается весьма чувствительно. Что же касается недостаточности у нас шоссейных и грунтовых дорог, то она видна из следующего сопоставления: на 1,000 кв. верст в Англии приходится шоссейных дорог 686 верст, во Франции—414 в., в Пруссии—105 в., а в России—0,3 в.; на 1 версту реального пути приходится шоссейных дорог: в Англии—7 верст, во Франции—12 верст, в Пруссии—2 $\frac{1}{2}$ в., а в России—0,59 в. Естественно рождается вопрос, нужны ли нам железные дороги и какими образом поправить прежние ошибки железнодорожного дела? Прежде чем ответить на эти вопросы, авторы посвящают отдельную главу нашим водным путям сообщения, приобщение которых нам не столько выигрывает и пользоваться которыми даю бы России ставило экономическое положение. И действительно, несмотря на полнейшую заброшенность наших водных путей и на конкуренцию железных дорог, значение их в торгово-промышленных отношениях не только не уменьшается, но с каждым годом увеличивается, что доказывают сравнениями грузовой движению по железным дорогам и по водным путям. Между тем известно, что в то время, как на устройство железных дорог тратились миллиарды, на реконтинг и новые работы по водным путям расходовались ежегодно, в период с 1869 по 1875 г., только по 1,014,000 р.; в последующие же три года (1876—78) расход этот несколько увеличился, но это увеличение все-таки было ничтожно. Указавши затем, что в Западной Европе обращается большое внимание на устройство водных путей сообщения, авторы рьяноют основной вопрос, как нам нужн дороги, в том смысле, что велики разглагольствования о направлении той или другой дороги должны уступить место другому, более широкому и совершенно правильному вопросу—какие меры должны быть приняты для облегчения торгово-промышленных сношений страны. Общій отвѣтъ на этот вопрос заключается в определеннн связи между разными родами путей сообщения. Прежде всего для питания железных дорог нужн шоссейны и грунтовые дороги, а для питания наших рѣчных систем не менее необходимо урегулирование тѣх малыхъ рекъ, но иногда по своему положению весьма важныхъ рѣчекъ, которыя до сих поръ даже не значатся въ спискахъ министерства.

Такой взгляд авторов на значение путей сообщения устанавливает, повидимому, довольно верною точку зрѣнія и ему нельзя отказать въ основательности. Но темъ страннѣе встрѣтить въ той же книгѣ совершенно противоположный взгляд на отношенія Сибири къ Россіи и къ Западной Европѣ. Авторы полагаютъ, что Россія есть сама себѣ рынокъ, и потому главнѣйшій развитія промышленности въ европейской Россіи состоитъ не столько въ успѣхн вывоза ее произведеній за границу, сколько въ уменьшеніи привоза изъ-заграницы; про-

зводитъ на возможность у себя дома должно быть развито наше экономическое развитіе. Въ отношеніи Сибири точка зрѣнія авторовъ измѣняется въ противоположную сторону: Сибирь не можетъ служить сама себѣ рынкомъ, да къ тому же она настолько изобилуетъ естественными богатствами, что разработка ихъ можетъ быть произведена безъ примѣненія высшихъ культурныхъ началъ. И потому будущая роль Сибири состоитъ въ томъ, чтобы ее богатства вывозились за границу, и это тѣмъ болѣе, что главнѣйшія рѣки ее имѣютъ одно общее направленіе съ юга на сѣверъ; не большая бѣда, по мнѣнію авторовъ, что періодъ навигаціоннаго времени въ Сѣверо-мѣдную чрезвычайно кратокъ, на помощь въ этомъ приходитъ проектъ г. Голдсвагера о проведеніи желѣзной дороги къ устью Оби въ 360 в., съ целью облегченія вывоза сибирскихъ товаровъ за границу. Словомъ, извѣстно, проектъ этотъ остается въ области мечтаній. Крімъ того, авторы указываютъ соединеніе каменно-угольнаго бассейна желѣзной дорогой отъ Нижняго Тагила черезъ Ирбитъ на Тобольскъ, а Иртыш съ Обью также можетъ быть соединенъ желѣзною дорогою отъ Омска на Барнауль. Перспектива, какъ видятъ читатели, далъ Сибирь предостоятъ блестящая: когда изъ нея вывезутъ сырые сѣ, хлѣбъ, сало, дѣся и проч., и въ Западную Европу черезъ Ледовитый океанъ и въ Европейскую Россію, благодаря соединенію каменно-угольнаго бассейна съ бассейномъ Тобольскъ, то Сибирь, по уверенію авторовъ, въ матеріальныхъ отношеніяхъ достигнетъ полнаго благосостоянія и будетъ благословлять судьбу свою.

Но позволительно недоумѣваетъ читатель, вѣдь у тѣхъ же авторовъ такъ ясно доказано, что вывозъ сырья изъ Европейской Россіи въ Англию и за границу составляетъ самую невыгодную сторону торго. Кто не знаетъ, что Англія этнхъ истощае Турцію, Индію, Ирландію. Железныя дороги при этихъ условіяхъ могутъ только обратиться въ выгоду одной страны и къ правому убытку другой. Все это справедливо, читатель, по отношенію къ Европейской Россіи, но другое дѣло Сибирь... Здесь все позволительно. Здесь именно нужна такая система, какую англичане прѣмываютъ къ другимъ странамъ. Мы боимся однако, что Сибиряки, незнающие съ политической экономіей, не сохотятъ прибѣгнуть къ иностранной теоріи или даже иностранной эксплуатаціи. Мы боимся, что они отвѣтятъ:

«Что касается насъ, то мы предпочли бы остаться при теперѣшнихъ дополнительныхъ путяхъ сообщенія, пока Сибирь не будетъ колонизирована, конечно, не отбрасывая русскаго населенія, а трудящимся людемъ изъ обширнаго нашего отечества, не находящимъ приложенію своему труду за недостаткомъ земли,—однимъ словомъ, до тѣхъ поръ, пока земледѣльческая и обрабатывающая промышленности въ Сибирѣ не достигнутъ до высшихъ степеней развитія. Тогда, и только тогда, когда различные товары будутъ производиться въ избытокъ,— когда общество научится оберегать свои выгоды, принесутъ пользу удаченныя пути сообщенія, употребленныя средствами общественной частной инициативы, а не избыточной казенной регламентаціи».

Во всякомъ случаѣ, изъ приводимыхъ примѣровъ въ указанной книгѣ Сибиряки могутъ внести одинъ отвѣтъ. Не дай Богъ Сибиряку участвовать свои пути сообщенія при пособіи спекулянтовъ, не обладающихъ ни капиталомъ, ни знаніями, но за всѣмъ тѣмъ нехотятъ обогатиться и на счетъ правительства и на счетъ мужичковъ кармановъ, какъ это было въ Европейской Россіи и какъ это хорошо изображено г. Рыбаковымъ въ Вльямовѣ.

М. П.—вѣ.

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня, 1 іюня. Курсъ на Лондонъ на 3 мѣс. 24 $\frac{3}{8}$ пенс. за рубль, на Парижъ 256 сантим., на Гамбургъ 208 пфен. Полуимпериаль 8 р. 07 к., рубль серебр. 1 р. 35 к.; 5% бил. Госуд. Банка 1 вкл. 94 $\frac{1}{2}$ а, 2 вкл. 90 $\frac{1}{2}$ а, 3 вкл. 90 $\frac{1}{2}$ а, 4 вкл. 90 $\frac{3}{8}$ а, 5 вкл. 90 $\frac{1}{2}$ а. Восточный заемъ 89, 5% Первый выигр. заемъ 215 $\frac{1}{2}$ а. Второй выигр. заемъ 210, 5 $\frac{1}{2}$ % рента 99, 5% закл. листъ общ. взаим. лозем. кред. (металл.) 127 $\frac{1}{8}$ а, кредитъ 85, Облгд. Сиб.

гор. кред. общ. 87¹/₂, Моск. гор. кред. общ. 87¹/₂, 5⁰/₁₀₀ закл. лист. Тульск. зем. банка 82¹/₄, Моск. зем. банка 83¹/₂, 5¹/₂ % закл. лист. земск. банка Харьк. губ. 93, 6⁰/₁₀₀ закл. лист. Харьк. зем. банка 95, Моск. зем. банка 99, Тульск. зем. банка 94¹/₄, Тифлисс. зем. банка 90, Сар.-Симб. зем. банка 86¹/₄. Акции Сиб. Части. ком. банка 240, акц. Межд. ком. банка 354, акц. Волжск.-Камск. ком. банка 415, акц. Сиб. торг. банка 340, акц. Центр. банка русск. позем. кред. 58, акц. Сар.-Симб. зем. банка 68, акц. парох. общ. «Самолетъ» 180, акц. общ. «Кавк. и Мерк.» 452, акц. Главн. общ. Рос. ж. д. 253³/₄, акц. Юго-Зап. ж. д. 93³/₄, акц. Рым.-Вол. ж. д. 76¹/₄, акц. Грив.-Царич. ж. д. 86¹/₄.

Настроение биржи сегодня было тихое, выходящее, обороты средние, нефтя же прошла въ дурномъ и колеблющемся настроеніи, при рѣзкихъ переменахъ вексельнаго курса и цѣнъ на бумаги.

Опечатки, вкравшіяся въ ст. г. Радова.

Въ № 7 на стр. 12 въ первомъ столбцѣ напечатано Яда-шашъ, слѣдуетъ Яда-ташъ; во второмъ напечатано: Ульганъ-Ря, слѣдуетъ Ульганъ-Пи. Въ № 8 на стр. 12, во второмъ столбцѣ напечатано Кудакту-Вименъ, слѣдуетъ Кудакту-Билъкъ.

МАГАЗИНЪ

УЧЕБНЫХЪ КНИГЪ И ПОСОБІЙ

С. Г. Александрова, въ Омскѣ,

высматривать по столичнымъ цѣнамъ учебныя книги и пособія по программамъ всѣхъ учебныхъ заведеній Сибири и Туркестанскаго края. Пересылка на счетъ поконуется.

Большой выборъ шпемъ и чертежъ принадлежностей.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

„ВРАЧЪ“

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигиены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ 1882 году по той-же программѣ и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ истекшемъ году, а именно:

- 1) Статьи по всѣмъ отраслямъ клинической медицины и по такимъ вопросамъ неклинической медицинскія наукъ, которые имѣютъ прямой клинической интересъ.
- 2) Статьи по общественной частной гигиенѣ.
- 3) Статьи объ образованіи, бытовыхъ условіяхъ и общественной дѣятельности врачей.
- 4) Биографіи, некрологи и статьи по исторіи медицины, преимущественно русской.
- 5) Критическія статьи и рецензіи нѣкоторыхъ иностранныхъ и главнѣйшихъ русскихъ книгъ, касающихся программы „Врача“.
- 6) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ, могущихъ интересовать врачей.
- 7) Рефераты о главнѣйшихъ работахъ изъ текущей журнальной прессы какъ иностранной, такъ и русской.
- 8) Хроника всѣхъ явленій русской и заграничной жизни, по сколько эти явленія представляютъ спеціальнй интересъ для врачейъ, службъ, правительственныхъ сообщеній.
- 9) Всякаго рода объявленія, за исключеніемъ рекламъ и объявленій о тайныхъ средствахъ.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высматриваются на имя редактора, профессора *Вячеслава Александровича Мамассева* (Петербургъ, Симбирская, 12, кв. 14).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургъ, 9 руб.; за полгода 4 р. 50 к. Подписка принимается у издателя — *Карла Леопольдовича Рихтера* (Петербургъ, Невскій, 14).

Отпечатана и разослана 6-я (юньская) книга литературно-политическаго журнала:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

СОДЕРЖАНИЕ: 1) Современный недугъ. Романъ П. Лѣтнева (окончаше); 2) Что намъ дѣлать съ еврейскимъ вопросомъ (оконч.). О. И. Леонтовича; 3) Политика Москвы и русская народность (оконч.); Е. П. Карновича; 4) Однодворцы. Повѣсть В. Д. Маркова (оконч.); 5) Очеркъ исторіи высшего женскаго образованія въ Россіи (оконч.) М. Л. Песковского; 6) Юности. Стих. С. Г.; 7) Языкъ Петербурга. VII. (Жертвы общественнаго темперамента), В. О. Михневича; 8) Натуральныя и денежныя аренды (оконч.); 9) Подъ гнетомъ. Стих. А. В. Круглова; 10) Стальце. Стих. С. Г.; 11) Фотосъ. Романъ Э. Гонкура (оконч.); 12) Наши внутреннія дѣла; 13) Политическая хроника; 14) Новыя книги; 15) Фонографъ, фельетонъ „НАБЛЮДАТЕЛЯ“: 1) Благодушныя пѣсни Ефима Скорпионова; 2) Изъ тетради капитана Соболевцова; 3) Извѣщеніе о майорѣ Предусометовѣ (письмо въ редакцію); 4) Въ альбомъ знаменитыхъ современникамъ Н. Мизантропова; 16) Содержаніе книгъ „НАБЛЮДАТЕЛЯ“ за первое полугодіе 1882 г.

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“ выходитъ еженеждно безъ предварительнаго цензуры, книгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: За годъ безъ дост.—12 р., съ дост. въ Сиб.—13 р., съ пересылкою изгороднымъ—14 р., съ перес. за границу—16 р. Книгопродавцамъ обычная уступка. Подписка принимается: въ Сиб., въ Главной Конторѣ редакціи (Поварскій, № 5).

Редакторъ-издатель: А. П. Пятковский.

— НОВЫЯ КНИГИ — ВЪ ЗАВЫТОМЪ КРАѢ

Разсказы изъ быта сибирскихъ крестьянъ.

Н. И. НАУМОВА.

Цѣна 1 р. 50 к.

Продается въ Книжномъ магазинѣ Исакова, Сиб. Гостиный дворъ, № 24.

ОЧЕРКИ СЪВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ.

ИЗЪВЕЩЕНІЕ 1876—1877 гг.

Г. Н. ПОТАНИНА.

С.-Петербургъ, 1881 г.

Цѣна 3 р.

Требованія адресуются въ Императорское Географическое Общество.

СИБИРЬ КАКЪ КОЛОНІЯ.

КЪ ЮБИЛЕЮ ТРЕХСОУЕТІЯ.

Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее.

Н. М. ЯДРИНЦЕВА.

С.-Петербургъ, 1882 г. Цѣна 3 р.

Въ книжномъ складѣ Стасюлевича, Вас. Остр. 2 лин., д. 7; также въ конторѣ Редакціи „Восточное обозрѣніе“.

ССЫЛКА НА ЗАПАДЪ

въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи.

И. Я. ФОЙНИЦАГО.

С.-Петербургъ, 1881 г. Цѣна 2 р. 50 к.—Книжный складъ и магаз. Стасюлевича, Вас. Остр. 2 лин., № 7.

ПРОДАЕТСЯ ТОЛЬКО-ЧТО ВЫШЕДШАЯ ИЗ ПЕЧАТИ
БРОШЮРА:

300-ЛѢТІЕ СИБИРИ.

Празднованіе въ Петербургѣ и Москвѣ дня 26-го
октября 1581 года.
Цѣна 75 коп.

Брошюра издана съ благотворительной цѣлью, а потому
примаются и добавочныя пожертвованія. Главный складъ
брошюры по Надеждинской улицѣ, въ д. № 22, кв. 34.

Тутъ же распродаются, по пониженной цѣнѣ, останшіеся
непроданными экземпляры 1-го тома и 1-го выпуска 2-го
тома, «Сборника историческихъ и статистическихъ свѣдѣній
о СИБИРИ», а равно 1-й и 2-й выпуски брошюры «Пятидесяти-
лѣтіе 2-й С.-Петербургской гимназій, Воспоминанія».

Съ требованіями можно обращаться: въ С.-Петербургѣ:
въ книжный магазинъ газеты «Новости» (Невскій, противъ
Гостиннаго двора, № 44) и въ Москву у Р. Я. Талъ (въ Вос-
питательномъ домѣ).

Вышли въ свѣтъ и продаются:

ПАМЯТНЫЯ КНИЖКИ

ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

ЗА 1881 и 1882 гг.

СОДЕРЖАНІЯ: Свѣдѣнія церковныя.—Свѣдѣнія историческія.—
Свѣдѣнія астрономическія и метеорологическія.—Свѣдѣнія спра-
вочныя.

Во 2-й книгѣ помѣщены слѣдующія статьи: Трактаты Россіи съ
Китаемъ. П. Балканина.—Ермакъ и его походъ въ Сибирь. А.
Крусера.—Историческій очеркъ З. Сибири въ царствованіе
Императора Александра II. Ф. Усова.—Краткій хронологическій
очеркъ владѣтельныхъ въ Китаѣ династій.—Обычное право Ки-
ргизовъ. И. Козлова, и другія.

Адресоваться въ военно-окружной штабъ, въ г. Омскъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1882 ГОДУ ЖУРНАЛА

УСТОИ.

Литературный, научный и политическій журналъ «УСТОИ» бу-
детъ выходить въ 1882 году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти
печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей
программѣ:

- 1) Беллетристика, оригинальная и переводная: романы, по-
вѣсти, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія.
- 2) На-
учный отдѣлъ: статьи по всемъ отраслямъ естественныхъ, обще-
ственно-политическихъ и историческихъ наукъ.
- 3) Критика: общія
статьи по вопросамъ литературнаго творчества; разборъ журналовъ
и книгъ русскихъ и иностранныхъ.
- 4) Внутренній отдѣлъ: статьи
по вопросамъ внутренней жизни, явленіямъ событий, корреспонденціи,
судебные отчеты.
- 5) Политическій отдѣлъ: обзорные жизни ино-
странныхъ государствъ.
- 6) Фельетоны: очерки современной русской
и западной жизни.
- 7) Театръ и музыка.
- 8) Смѣсь: краткія сообще-
нія и мелкія замѣтки.
- 9) Объявленія.

Въ журналѣ будутъ участвовать: К. Баранцевичъ, С. А. Венге-

ровъ, В. В., проф. Алексѣй Ник. Веселовскій, Н. Н. Златовратскій,
проф. И. И. Ивановскій, проф. В. О. Ключевскій, проф. П. А.
Костычевъ, Н. С. Курочкинъ, проф. В. А. Лебедевъ, Н. В. Мака-
ровъ, Н. М. Минскій, Д. Л. Мордочевъ, Н. Морозовъ, Н. И. На-
умовъ, В. И. Орловъ, А. В. Погочевъ, Г. Н. Потанинъ, Н. С. Ру-
сановъ, В. И. Семевскій, проф. Н. И. Стожаренко, проф. К. А.
Тимирязевъ, Г. И. Успенскій, Ф. А. Шергина, Ф. Ф. Эрмишевъ,
Ю. Н. Юрко, проф. И. И. Янгулъ, Я. В. Оедосѣевъ.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала, —С.-Петербургѣ,
Пушкинская улица, д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ
г. Дизенлигина, Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора,
д. № 46. Подписная цѣна: на годъ: безъ доставки 10 р., съ достав-
кой въ Петербургѣ 11 р., съ пересылкою въ другіе города 12 р.;
съ расyroкою на полгода: съ доставки 5 р., съ доставкою въ Пе-
тербургѣ 5 р. 50 к., съ пересылкою въ другіе города 6 р. Денги
за второе полугодіе вносятся къ 15 мая.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1882 годъ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

„ЗЕМСТВО“.

Въ 1882 году «ЗЕМСТВО» издается, какъ и въ прошломъ году, безъ предварительной цензуры, нумерами
отъ 2½ до 3 листовъ (20—24 стран.), по слѣдующей программѣ:

- 1) Законы и распоряженія правительства. Рѣшенія Прави-
тельствующаго Сената по дѣламъ, относящимся до земскаго и город-
скаго управленія.
- 2) Статьи по всемъ вопросамъ внутренней и
иностранной политики, земскаго, городского и сословнаго обще-
ственаго управленія.
- 3) Обзорные дѣятельности городскихъ и
земскихъ учрежденій. Отчеты о засѣданіяхъ земскихъ и сослов-
ныхъ собраній и городскихъ думъ.
- 4) Внутреннее обзоріе.

- 5) Иностранное обзоріе.
- 6) Корреспонденціи внутреннія и
иностранныя.
- 7) Судебная хроника (безъ обсужденія судебныхъ
рѣшеній).
- 8) Виблюграфія: разборы и отчеты о вновь выходящихъ
русскихъ и иностранныхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ во
всѣмъ отраслямъ юридико-политическихъ и историческихъ наукъ.
- 9) Разныя извѣстія.
- 10) Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ пересылки и доставки.	Съ пересылкой и доставкой.	За границу.
На годъ	7 р. — к.	8 р. — к.	11 р.
„ 6 мѣсяцевъ	4 „ — „	4 „ 50 „	6 „
„ 3 „	2 „ 26 „	2 „ 50 „	4 „
„ 1 „	— 75 „	1 „ — „	2 „

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Редакціи, близъ Никитскихъ воротъ, въ Скатертномъ пер.,
домъ Муромцевой. Редакторъ-издатель В. Ю. Скалонъ.